

ЧАСТЬ II. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

1. ВВЕДЕНИЕ

Позиции России в мире к 2006 г. укрепились. Этому, помимо социально-экономической и политической стабильности в стране, способствовали следующие обстоятельства:

- возросло значение ряда ключевых направлений (энергетика, безопасность), где Россия относится к числу главных игроков на мировой арене;
- некоторые крупнейшие страны и структуры (США, Европейский Союз) столкнулись с непростыми, проблемными ситуациями, ограничивающими их международно-политическую дееспособность;
- возникла и получила развитие (возможно, временное) тенденция к определенному замедлению интеграционных процессов и перефокусировке политико-экономических приоритетов на национальный уровень.

В *энергетической сфере* отсутствие перспектив стабилизации в зоне "большого Ближнего Востока" и быстро растущий (особенно в динамично развивающихся странах Азиатско-Тихоокеанского региона) спрос обостряет конкуренцию за источники сырья. Растет озабоченность импортирующих энергию и энергоносители стран относительно обеспечения гарантированных долгосрочных поставок и бесперебойного транзита. Энергетическая безопасность становится главным приоритетом национальной и международной политики. О ее доминанте в национальных экономических интересах свидетельствуют настоящий бум проектов, планов, договоренностей строительства трубопроводов (Балтийского/Североевропейского и других).

В 2006 г. энергетические проблемы и проекты будут приобретать все более весомую роль в российской внешней политике. На этом поле будет выстраиваться значительная ее часть практически по всем ключевым географическим направлениям—в отношениях с ЕС и отдельными странами этого объединения (как "старыми", так и "новыми"), со странами Северо-Восточной Азии, с государствами постсоветского пространства. Прогнозируемый на многие годы вперед рост мировых потребностей в энергоресурсах, сосредоточенность значительной их части на российской территории, достаточно реалистические перспективы доступа к ним с точки зрения политических, технологических и инвестиционных возможностей – таково уникальное сочетание благоприятных для России условий. Москва использует их достаточно эффективно, успешно продвигая выигрышную для себя тему на передний план, как через крупнейший бизнес, так и напрямую политико-дипломатическими методами, в том числе на высшем государственном уровне. Яркое тому свидетельство – определение проблематики энергетической безопасности как приоритетной для "большой восьмерки" в период председательства России на протяжении 2006 г.

Однако воздействие ситуации, сложившейся в энергетической сфере, на долгосрочные национальные интересы России амбивалентно.

- Поскольку добыча углеводородов и их транзит остаются наиболее привлекательным объектом для западных инвестиций, это приводит к "дискриминации" других секторов экономики (в том числе высокотехнологичных), отдаляет перспективу ее реструктуризации.

- Растущая в сложившейся ситуации роль энергетических компаний-монополистов, в первую очередь "Газпрома", объективно способствует тенденции к усилению государственного присутствия в экономике и ее централизованного регулирования.
- Нефть и газ становятся если не индульгенцией на отклонение внутривнутриполитических процессов в России от демократических норм, то знаменателем, на который делаются восприятие и оценка этих процессов на Западе.
- Широкомасштабное использование нефтегазового инструментария для целей внешней политики кажется привлекательным – но может поставить ее в зависимость от состояния дел в данной области в ущерб более широко понимаемым национальным интересам.

В сфере безопасности мир и Россия поставлены в положение, когда взаимодействие разных стран становится условием не только стабильности и развития, но и выживания.

- Не теряет актуальности угроза терроризма. Взаимодействие в целях борьбы с ним остается важнейшим компонентом укрепления отношений России с Западом, становится стимулом для активизации ОДКБ, побуждает по-новому взглянуть на вопрос о российском присутствии в Центральной Азии. Вместе с тем эта проблематика оказалась изрядно девальвированной, поскольку в ряде государств к ней беззастенчиво апеллируют при решении совершенно иных задач, никак не связанных с антитеррористическими императивами.
- Растет озабоченность всего северного полушария новыми вызовами и угрозами с Юга и Востока – набирающими силу миграционными проблемами, демографическим дисбалансом, радикальными тенденциями в исламском мире.
- Множатся нетрадиционные угрозы безопасности: крайняя физическая и политическая уязвимость даже ведущих мировых держав и целых регионов перед лицом природных катаклизмов (цунами, наводнений, пожаров), эпидемий (атипичная пневмония, птичий грипп), масштабных бунтов и беспорядков, обусловленных адаптивным дефицитом, недостаточной приспособленностью западной цивилизации к сосуществованию с инокультурной средой.

В 2006 г. возникают условия для большей активности России в отношениях с ее ведущими западными партнерами. Касательно США это связано с ослаблением позиций администрации Дж.Буша, касательно Европейского Союза—с его вступлением в трудную полосу своего развития после провала проекта Конституционного договора. Дополнительные возможности возникают у России и в связи с председательством в "большой восьмерке" и Комитете министров Совета Европы.

Стратегически Россию и Запад объединяет стремление не допустить распространения оружия массового уничтожения, в первую очередь ядерного. Однако разные подходы к решению конкретных тактических вопросов могут стать источником если не конфронтации, то серьезных трудностей во взаимоотношениях. "Проблемой 2006 г." в этой области будет ядерная программа Ирана. Слабость международных правовых механизмов и инструментов, различия в политических и экономических интересах ведущих ядерных держав не дают оснований полагать, что иранская ядерная проблема найдет свое скорое решение. Это относится и к ядерной проблеме Северной Кореи – хотя и по другим причинам и, возможно, в меньшей степени.

Определенный рост напряженности в отношениях с западными странами может произойти в связи с усилением России в Центральной Азии, разными оценками положения дел в Белоруссии, проблемами непризнанных образований на территории бывшего СССР. России важно не поддаться искушению ложного выбора между кооперативными отношениями с Западом и обеспечением влияния в своем ближайшем окружении из числа партнеров по СНГ. Необходимость объективной, трезвой и прагматичной оценки процессов в странах СНГ будет столь же актуальной, как и раньше. В 2006 г. важнейшим императивом на этом направлении становится выработка политики, оставляющей пространство для маневров в долгосрочной перспективе и не противоречащей конструктивному экономическому и политическому взаимодействию России с ведущими западными демократиями.

2. ГОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В "ВОСЬМЕРКЕ"

Участие Российской Федерации в ежегодных встречах лидеров группы ведущих государств мира было оформлено в 1997 г. и является одним из важнейших направлений международно-политической деятельности Москвы. Она видит в "восьмерке" не просто значимый многосторонний инструмент интеграции в мировую экономику, создания благоприятных внешних условий для развития страны и укрепления ее государственности. Для России членство в этой структуре стало символом укрепления международных позиций, признания ее растущей роли в современном мире.

"Восьмерка" считается неформальным клубом ведущих государств планеты, в рамках которого обсуждаются животрепещущие вопросы мировой экономики и политики, требующие совместных или скоординированных усилий. Принимаемые на этом уровне решения способны существенно повлиять на развитие мировых процессов. Вместе с тем для России участие в форумах "восьмерки", в том числе на высшем уровне, является одним из главных направлений и одновременно – индикатором сближения с ведущими государствами Запада.

В 2002 г. на встрече глав государств и правительств стран "восьмерки" в Кананаскисе (Канада) было решено включить Россию в число стран, осуществляющих функции председателя группы. Тем самым было обозначено политическое признание за Россией статуса одного из ведущих государств мира. Незадолго до этого была сформирована глобальная антитеррористическая коалиция, достойное место в которой заняла Россия. Да и в целом начало нынешнего десятилетия прошло под знаком активного сближения России с США, Европейским Союзом, НАТО и ведущими европейскими государствами.

России выпало председательствовать в "восьмерке" в 2006 г.; ежегодный саммит руководителей входящих в группу стран пройдет в Санкт-Петербурге. К этому времени общий контекст и характер отношений России с западными государствами существенно изменились по сравнению с началом десятилетия.

Стабилизировалось макроэкономическое положение России. Высокие цены на сырьевые товары (прежде всего на энергоносители) способствовали экономическому росту, увеличению положительного сальдо внешней торговли и накоплению значительных золотовалютных резервов. Если в 90-е годы российский вопрос в "восьмерке" обсуждался главным образом через призму предоставления России новых кредитов, то сейчас страна уверено и даже досрочно расплачивается по своим долгам.

Однако Россия не смогла решить одну из главных задач, которую она связывала с принятием на себя функций председателя – стать полноправным участником финансовой "восьмерки". Министры финансов и председатели центральных банков стран группы и в 2006 г. будут собираться в формате "семерки", хотя их встречи были запланированы в Москве (февраль) и Санкт-Петербурге (май-июнь). В центре внимания таких встреч находятся вопросы развития мировой экономики, переживающей серьезные структурные сдвиги; проблемы преодоления дисбалансов в мировой торговле и рецидивов торгового протекционизма; ключевые темы нынешнего раунда переговоров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО).

В обсуждении большинства этих вопросов Москва не участвует как в силу низкого удельного веса страны в мировой экономике, так и в силу того обстоятельства, что она не является членом ВТО и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Вступление в ВТО в 2006 г. могло бы стать приятным подарком председательствующему государству, однако сроки вступления в эту организацию уже столько раз переносились в ходе более чем десятилетних переговоров, что верится в это с трудом. Россию приглашают на обсуждения "семерки" так же, как и другие государства (в частности, Китай), политика которых представляется важной для решения существующих или предотвращения новых проблем, угрожающих стабильности мировой финансовой системы.

Тем не менее, сотрудничество в рамках "восьмерки" уже принесло России вполне конкретные результаты. Опираясь на поддержку партнеров по этому клубу, Россия реструктурировала внешнюю задолженность на общую сумму около 70 млрд. долл. Закрепившись в "восьмерке" (на долю которой приходится более 50% прямых иностранных инвестиций в мире), Россия приобрела дополнительное доверие деловых кругов. Вместе с тем важно отметить, что речь идет не только о решении Россией ряда собственных проблем через "восьмерку". Рост национальной экономики позволил России самой выступить в роли донора и принять участие в программах "восьмерки", нацеленных на решение проблем беднейших стран мира.

Так, Россия участвует в программе сокращения их задолженности. Она списала или приняла на себя обязательство списать задолженность африканских стран на сумму 11,3 млрд. долл. Рассматривается возможность полного списания долгов беднейших стран по займам, не подпадающим под критерии официальной помощи развитию. В результате их задолженность сократится еще на 750 млн. долл. Россия участвует в финансировании Глобального фонда по борьбе с ВИЧ/СПИД, малярией и туберкулезом (ее взнос в 2002-2006 гг. составляет 20 млн. долл.; к концу 2005 г. было выплачено более половины этой суммы—12,5 млн. долл.). Россия приняла участие в финансировании Глобальной инициативы по ликвидации полиомиелита (взнос в данную программу в 2003–2005 гг. составил 8 млн. долл.).

Масштабы российского участия в осуществляемых под эгидой "восьмерки" программах содействия развивающимся странам (и, в частности, Африки) скромны по сравнению с обязательствами, которые взяли на себя большинство других участников группы.

- ЕС увеличит объем помощи развитию в 2004–2010 гг. с 34,5 до 67 млрд. евро; не менее 50% этого прироста пойдет в страны Африки к югу от Сахары. Индивидуальные обязательства взяли на себя отдельные страны ЕС, фактически удваивая расходы в рамках двусторонней помощи Африке в период между 2004 и 2008 гг.

- США намерены удвоить помощь странам Африки к югу от Сахары к 2010 г. Они выделяют на эти цели до 5 млрд. долл. в год, реализуют Чрезвычайный план по борьбе со СПИДом (15 млрд. долл.), Инициативу по решению гуманитарных кризисов в Африке (более 2 млрд. долл. в 2005 г.), а также новую Инициативу против малярии (1,2 млрд. долл.). На деятельность по предотвращению и урегулированию конфликтов, в том числе в рамках Глобальной инициативы по проведению миротворческих операций, США в течение 5 лет выделяют 660 млн. долл.
- Япония намерена за 5 лет увеличить объемы своей помощи развитию в среднем на 10 млрд. долл. в год, обязалась удвоить помощь Африке в течение трех лет и реализует пятилетнюю Инициативу в сфере здравоохранения и развития стоимостью в 5 млрд. долл. В течение 5 лет Япония выделит более 1 млрд. долл. на оказание эффективной поддержки частного сектора в Африке.

Однако даже символическое участие в соответствующих программах отражает изменившееся положение России в "восьмерке". Сегодня речь идет не о финансировании программ стабилизации экономического положения, а о необходимости продолжения структурных реформ в России в общем контексте стоящих перед странами "восьмерки" задач – таких, как налогово-бюджетная консолидации (в США, Японии), повышение производительности труда (в Канаде), осуществление структурных реформ в целях придания импульса экономическому росту, занятости и внутреннему спросу (в ЕС, Японии) и т.п.

Укреплению позиций России в "восьмерке" во многом способствовало повышение внимания к вопросам международной безопасности. В последние годы "восьмерка" превратилась в один из главных международных центров подготовки рекомендаций по борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью. Здесь же происходит согласование политических демаршей в отношении стран, не поддерживающих международные усилия в этой области. Образованная в 2003 г. под эгидой "восьмерки" Группа контртеррористических действий стала важным инструментом оказания помощи государствам по формированию национальных правовых, организационных и технических возможностей для эффективной борьбы с противоправной деятельностью террористов и их организаций.

С 2002 г. одним из центральных направлений деятельности "восьмерки" становится согласование усилий с целью предотвратить распространение оружия массового уничтожения, материалов и технологий для его создания. Наряду с реализацией программы Глобального партнерства в сфере нераспространения, ведущейся под эгидой "восьмерки", Россия вместе с другими участниками этой структуры участвовала в разработке принципов, направленных на предотвращение доступа террористов к оружию или материалам массового уничтожения (2002 г.), плана действий по обеспечению безопасности радиоактивных источников (2003 г.), плана действий в области нераспространения оружия массового уничтожения (2004 г.), рекомендаций по усилению контрольных функций Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Как крупный поставщик энергоресурсов на мировые рынки, Россия является также важным участником энергетического диалога стран "восьмерки". Хотя большинство других членов этой группы, в отличие от России, выступают в роли чистых импортеров энергоресурсов, "восьмерка" в целом руководствуется общим подходом, согласно которому "безопасные, надежные и доступные источники энергии являются основой для экономической стабильности и развития". В этой связи растущее значение приобретают перспективы существенного увеличения российского экспорта газа. В

рамках "восьмерки" приоритетное внимание уделяется таким вопросам, как энергосбережение, энергоэффективность, применение технологий и инноваций в сфере энергетики, постепенное снижение доли углеводородов в энергетическом балансе. При этом формат "восьмерки" позволяет рассматривать вопросы энергетической безопасности в более широком контексте, в частности, во взаимосвязи с проблематикой изменения климата.

Все перечисленные выше обстоятельства и в 2006 г., и в среднесрочной перспективе будут способствовать закреплению позиций России в "восьмерке" ведущих государств мира. В ближайшие два-три года они по-прежнему, если исключить возникновение чрезвычайных обстоятельств, будут преобладать над негативными факторами в отношениях России с Западом.

Однако накопление таких факторов становится все более тревожной тенденцией. Оно происходит на двух основных направлениях.

- Во-первых, нарастает критическое отношение к тенденциям внутривнутриполитического развития в России, которые интерпретируются как продолжающееся и даже усиливающееся ослабление демократических институтов.
- Во-вторых, становятся все более значимыми расхождения в оценке процессов на постсоветском пространстве, характеристике ряда сформировавшихся там режимов, определении проводимой по отношению к ним политики.

Что касается вопросов внутривнутриполитического развития, то руководству России в последние годы, за редкими исключениями, удавалось фактически исключать их из сферы официальных межгосударственных отношений со странами "восьмерки". Однако избранная Москвой линия, направленная на консервацию политических режимов в ряде стран СНГ (прежде всего в Беларуси и Узбекистане), вступает и все больше будет вступать в противоречие с более энергичной американской и менее энергичной европейской политикой, ставящей во главу угла проведение честных, основанных на свободной политической конкуренции выборов и укрепление демократических институтов в соответствующих государствах. Это не исключает, а в некоторых случаях с неизбежностью предполагает смену политических лидеров и режимов – в чем российское руководство видит серьезный вызов стабильности в ближайшем окружении страны. С нарастающим раздражением – причем не только в российском политическом классе, но и в более широких кругах – воспринимается возможность усиления влияния внешних сил в странах СНГ.

В 2006 г. испытанием для отношений России с Западом может стать вопрос о выборах в Беларуси и об отношении к намерению президента Лукашенко вопреки Конституции в третий раз баллотироваться на эту должность. Источником разногласий будет оставаться вопрос о политике в отношении Украины (особенно после мартовских парламентских выборов 2006 г.), Грузии и Узбекистана.

И все же разногласия в оценках как внутреннего развития России, так и политики на постсоветском пространстве вряд ли приведут в краткосрочной перспективе к прямому столкновению интересов России и ведущих стран Запада. Эти противоречия не будут в центре внимания на встречах "восьмерки", где они не являются частью повестки дня. Обострения полемики можно ожидать скорее в ряде европейских структур, таких как ОБСЕ или Совет Европы (где в 2006 г. Россия также принимает на себя председательские функции).

Третьей крупной проблемной темой в отношениях с западными странами становятся сохраняющиеся, а порой и усиливающиеся разногласия касательно ядерной программы Ирана. В 2006 г. России будет сохранять неплохие возможности для того, чтобы и дальше удерживать эти разногласия в некоторых приемлемых для всех рамках – используя как потенциал своих взаимоотношений с Ираном, так и более широкую меру совпадения российского подхода с линией "европейского трио" (Великобритании, Германии и Франции). Вместе с тем планируемый в 2006 г. ввод в действие первого блока иранской атомной электростанции в Бушере, как и поставки российского оружия в эту страну могут привести к обострению существующих противоречий.

Перечисленные разногласия будут и дальше подпитывать дискуссию, существенную с точки зрения более отдаленных перспектив дальнейшей интеграции России в рамках "восьмерки". На чем основано участие Российской Федерации в клубе не просто ведущих, но ведущих *демократических* государств мира: на общих ценностях и приверженности принципам плюралистической демократии, рыночной экономики, правового государства и уважения прав личности – или только либо прежде всего на голом расчете, опирающемся на совпадающие интересы в таких областях, как безопасность и энергетика? Если развитие будет идти во все большей мере не по первой, а по второй модели – то на более позднем этапе может быть поставлен вопрос о том, насколько оправдано полноценное участие России в "восьмерке". Сегодня этот вопрос поднимается лишь отдельными политиками на Западе, но он может приобрести более весомое звучание ближе к концу десятилетия – когда восемь государств будут принимать решение о председательстве в предстоящие годы.

Пока же потенциально конфронтационные темы, скорее всего, будут оставаться на втором плане на фоне общих интересов в области безопасности и энергетике. Тем самым успешному председательству России в "восьмерке" в 2006 г. ничто не угрожает – если вероятность возникновения чрезвычайных обстоятельств считать не очень высокой.

Спокойному и эффективному, если не эффективному проведению саммита "восьмерки" в Санкт-Петербурге способствует и выдвигаемая Россией программа приоритетов ее председательства, в которой акцент делается на общие интересы и глобальные темы. Главная из них касается энергетической безопасности; для ее обеспечения планируется разработать глобальную стратегию развития энергетического сектора в целях надлежащего обеспечения мировой экономики и населения различными видами энергии по доступным ценам и с минимальным ущербом для окружающей среды. Тема эта является, безусловно, выигрышной для России и вместе с тем вписывается в важнейшие приоритеты "восьмерки". Так, на ее саммите в Гленниглсе в 2005 г. был принят план действий "Изменение климата, экологически чистая энергетика и устойчивое развитие"; по инициативе Японии отчет о его претворении в жизнь будет рассматриваться на саммите 2008 г.

Российское председательство будет сфокусировано и на ряде других вопросов – таких, как борьба с инфекционными заболеваниями, образование, демографические проблемы, мониторинг природных катастроф (цунами и пр.). На петербургском саммите предполагается интенсивное обсуждение и ставших традиционными тем: продолжение борьбы с терроризмом, нераспространение оружия массового уничтожения, мировые экономические проблемы.

3. США: ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

В 2006 г. и в значительно более далекой перспективе Соединенные Штаты Америки останутся единственной державой, имеющей реальные возможности действовать в глобальных масштабах. Они обладают не только важнейшими компонентами военной силы, позволяющими проводить крупные операции во всех регионах планеты, но и эффективной и масштабной экономикой, основанной на новейших достижениях науки и техники. Мировая политика и международные отношения будут во многом определяться решениями, принятыми в Вашингтоне.

Вместе с тем события 2005 г. еще раз показали, что несмотря на огромную экономическую, технологическую и военную мощь, США не в состоянии в одиночку справиться со всеми современными вызовами национальной и международной безопасности. В известной мере это связано с тем, что Соединенные Штаты сконцентрированы на традиционной военной инструментари и сравнительно медленно обретают те компоненты силы, которые все более необходимы для обеспечения безопасности и влияния в глобализирующемся "постмодернистском" мире начала XXI века. Речь, в частности, идет о способности адекватно оценивать быстро происходящие изменения и адаптироваться к ним, а также эффективно использовать для достижения поставленных целей не только военную мощь, но и уплотняющиеся сети международных коммуникаций и взаимодействий.

Четко выраженный "унилатерализм" американской внешней и военной политики, склонность опираться прежде всего на уникальный военный потенциал, характерные для первого срока пребывания нынешней администрации в Белом доме, свидетельствовали, как казалось, об ее ориентации на сугубо традиционные методы и средства обеспечения международной и национальной безопасности. Это привело к ряду крупных просчетов. В частности, США инициировали военную операцию в Ираке, породившую крайне тяжелый и запутанный внутренний конфликт в этой стране, не имеющий, судя по всему, быстрого решения. Осложнились отношения с рядом влиятельных европейских государств. Во многих странах, в том числе союзных США, усилились антиамериканские настроения.

Вместе с тем Вашингтон продемонстрировал некоторую способность извлекать уроки из собственных ошибок и корректировать внешнеполитические установки. В 2005 г. в американской внешней политике появились новые моменты, свидетельствующие об адаптации (возможно, вынужденной) к мировым реалиям. Есть основания ожидать, что наметившиеся тенденции сохранятся и в 2006 г.

3.1. Американская внешняя политика: новые моменты

В начале второго срока администрации Дж. Буша были сменены некоторые ключевые фигуры в руководстве Государственного департамента и Министерства обороны. Так, заместитель министра обороны Пол Вулфовиц был рекомендован и затем утвержден президентом Мирового банка, а заместителя Государственного секретаря Джона Болтона назначили представителем США в Организации Объединенных Наций. Оба они принадлежат к наиболее ярким и знаковым фигурам радикального неоконсервативного крыла в американском истеблишменте и ассоциировались с самыми дискуссионными и критикуемыми элементами стратегии США на мировой арене. Вместе с членом "внутреннего круга" президента Дж. Буша Кондолизой Райс, возглавившей Государственный департамент, к руководству американской

дипломатией были привлечены Роберт Зеллик, Николас Бернс, Кристофер Хилл и некоторые другие деятели, считающиеся сторонниками более умеренной, осмотрительной и осторожной внешней политики.

Кадровые изменения явились, как можно предположить, одним из элементов коррекции внешнеполитического курса. В линии США на повсеместное утверждение собственных норм и ценностей методы силового давления стали дополняться поисками компромиссных решений. Появились признаки того, что идеологизированный неконсервативный радикализм во внешней политике начинает уступать место, пока частично, "политическому реализму" в его нынешней, "постмодернистской" форме.

В подавляющем большинстве аналитики и политические деятели объясняют изменения, происходящие в американской внешней политике, тем, что США увязли в Ираке. Действительно, развернутый там 150-тысячный контингент вооруженных сил оказывается вовлеченным в многочисленные и изнурительные мелкие стычки с противниками оккупации; связанные с этим расходы достигли исключительно высокого уровня; увеличиваются потери личного состава. К этому необходимо добавить растущее недовольство американского общества затяжной войной в Ираке и некоторыми другими аспектами политики республиканской администрации. Все это блокирует решительные, в том числе силовые действия в других регионах, где затронуты жизненно важные интересы Соединенных Штатов.

Возникает и все больше вопросов относительно принятых в недавнем прошлом стратегических решений по строительству американских вооруженных сил. С одной стороны, ориентация на массивную разработку и форсированное внедрение высокотехнологичных неядерных систем оружия, связи, разведки и управления войсками, ставшая главным направлением "революции в военном деле", выглядит оправданной: американские вооруженные силы смогли в считанные дни разгромить сильную по традиционным критериям армию Саддама Хусейна. Но, с другой, - оснащенные по последнему слову техники американские войска оказываются малоэффективными в условиях контртеррористической войны в иракских городах, афганских горах и пустынях. Между тем именно контртеррористические операции и другие "неконвенциональные" конфликты и войны с участием США и иных развитых государств считаются военными аналитиками наиболее вероятными в ближайшие десятилетия.

Развитие событий в Ираке и Афганистане показывает, что военная победа над террористическими и репрессивными режимами—лишь первый шаг в достижении политических целей войны. За ним должен следовать длительный и сложный этап формирования нового режима – эффективного,двигающегося к демократии, способного обеспечить правопорядок и жизненные потребности населения. Для решения этих задач Соединенным Штатам полезна – а может быть, и необходима – политическая, экономическая, кадровая и организационная поддержка и помощь союзников и партнеров.

Ослаблению в 2005 г. позиций республиканской администрации способствовала крупнейшая природная катастрофа – обрушившийся на США ураган "Катрина". Беспокойство в американском истеблишменте и в обществе в целом вызвала неспособность властей, в том числе федеральных, осуществить превентивные меры по снижению числа жертв, предпринять эвакуацию Нового Орлеана, обеспечить в оставленном городе закон и порядок. Немедленно встал вопрос: какова может быть эффективность действий властей, если страна столкнется не с природным бедствием, о котором было известно заранее и к которому можно было подготовиться, но, например,

с крупным террористическим актом с применением оружия массового поражения? Это усугубило недовольство значительной части американского общества нынешним руководством страны. Показатель одобрения деятельности президента Дж. Буша сократился к началу осени 2005 г. до 40 процентов.

Вовлеченность в затяжной конфликт в Ираке со всеми прямыми и косвенными последствиями этого и осложнение внутривнутриполитических позиций администрации Дж. Буша стали основными факторами коррекции внешнеполитического поведения США. Оно, как представляется, ориентировано на решение следующих задач:

- Предотвратить осложнение ситуации вокруг тех проблем, которые сильнее всего затрагивают интересы США. В частности, Вашингтон сегодня хотел бы избежать необходимости жестко реагировать на эскалацию Пхеньяном корейского ядерного кризиса или на обструкционистские действия нового руководства в Тегеране, направленные на срыв международных усилий по ограничению иранской ядерной программы.
- Укрепить политические и военные позиции США в регионах, представляющих для них особый интерес, путем установления и развития контактов, партнерских и союзнических отношений с государствами, играющими в этих регионах важную геостратегическую роль. Соединенные Штаты прилагают серьезные усилия для расширения списка стран, с которыми устанавливаются партнерские отношения в экономической и военно-политической области.

В частности, в марте 2005 г. было принято решение о продаже Пакистану боевых самолетов F-16, предоставлении ему в 2005-2009 гг. экономической помощи в размере 3 млрд. долл., в том числе для стабилизации режима Мушараффа. Наряду с этим, Вашингтон стремится установить тесные военно-политические отношения с Индией, готов предоставить ей новейшие военные технологии. В основе своей эта политика нацелена на то, чтобы индийские устремления в регионе и за его пределами не препятствовали США в достижении их стратегических целей в бассейне Индийского океана и в Южной Азии.

3.2. Приоритеты и установки внешней политики США в 2006 г.

Стратегические приоритеты американской внешней политики в 2006 г. вряд ли сколько-нибудь существенно изменятся по сравнению с теми, что определяют стратегию США на мировой арене в последние годы. Эти приоритеты обусловлены как особенностями глобальной экономической и военно-политической обстановки и тенденциями ее развития, так и спецификой ее восприятия американским истеблишментом и общественным мнением. Вместе с тем появились некоторые новые нюансы в соотношении различных направлений внешней политики США, обозначились новые моменты в подходах Вашингтона к актуальным международным проблемам.

"Большой Ближний Восток"

Как и ранее, центральное место в системе американских стратегических приоритетов будет играть обширный регион, протянувшийся от атлантического побережья Северной Африки на западе до китайского Синьцзяна на востоке, совпадающий в основных своих границах с ареалом распространения ислама. Его сердцевину часто называют "большим Ближним Востоком". К нему относят собственно Ближний Восток, Иран, Пакистан и Афганистан, а также новые независимые государства Центральной Азии и

Южного Кавказа. В этой зоне находятся крупнейшие на планете запасы нефти и газа. Одновременно именно там формируются, набирают силу и создают свои опорные базы наиболее опасные террористические движения начала XXI века, происходит распространение оружия массового поражения, сосредоточены острые трудноразрешимые конфликты, существуют экстремистские режимы и политические силы, действующие под влиянием агрессивных тоталитарных идеологических установок в русле ислама.

Центральным элементом политики США в зоне "большого Ближнего Востока" останется Ирак. Стратегия и характер практических действий США в этой стране не претерпят сколько-нибудь серьезных изменений. Соединенные Штаты не смогут добиться решительного перелома ситуации в стране. Вместе с тем Вашингтон не пойдет на заметное увеличение численности своего контингента там и, тем более, не начнет вывода войск из Ирака. Последнее будет, во-первых, означать провал ключевой стратегической линии США, признание того, что в начале 2003 г. была совершена грубейшая политическая ошибка, имеющая тяжелые последствия, а потери человеческих жизней и ресурсов оказались бесцельными. Во-вторых, значительные районы Ирака (прежде всего суннитские провинции) окажутся под полным или частичным контролем исламистских террористических группировок. В итоге в 2006 г. будет продолжена нынешняя линия на постепенное утверждение в Ираке режима, содействие его усилиям добиться поддержки населения и обеспечить в стране порядок.

В 2005 г. США поддержали действия "европейской тройки" по решению иранской ядерной проблемы. Как представляется, суть американской и европейской линии в том, чтобы при помощи дипломатических переговоров и экономических рычагов максимально замедлить осуществление иранских ядерных проектов, прежде всего связанных с обогащением урана и получением в перспективе способности переработки отработанного ядерного топлива.

Не исключен и расчет на самодискредитацию пришедшей к власти в Иране группировки, включающей в себя как "традиционных" консерваторов, так и недавно появившихся на политической арене воинствующих исламских радикалов популистского толка во главе с Махмудом Ахмади-Нежадом. Если их одиозная внутренняя и внешняя политика вызовет растущее противодействие в стране, это способно привести к переменам в расстановке сил и даже в политической системе Ирана. В результате к власти могут прийти светские круги, ориентирующиеся на проведение более осторожной политики, в том числе и в ядерной области.

Главная задача американской политики в отношении палестино-израильского конфликта—не столько добиться его разрешения (при существующих расхождениях сторон по принципиальным вопросам это просто нереально), сколько предотвратить его новое обострение. Как и в 2005 г., Соединенные Штаты будут оказывать давление на израильские власти с тем, чтобы сделать их более податливыми к требованиям палестинцев. Предполагается, что это может укрепить позиции умеренных палестинских кругов, в том числе нынешнего руководства Палестинской национальной администрации. Поддерживая Махмуда Аббаса, Вашингтон будет и далее подталкивать его к решительным действиям против палестинских террористических группировок.

В 2005 г. к названным ключевым направлениям американской политики в зоне "большого Ближнего Востока" добавилась новая – сирийское. Есть все основания ожидать, что в 2006 г. США будут активно добиваться принципиальных изменений в сирийской внутренней и внешней политике. Судя по всему, в начале 2006 г. президент Башир аль-Асад будет поставлен перед тяжелым выбором: либо выдать Ливану

нескольких наиболее влиятельных членов сирийского правящего клана, уличенных в убийстве Рафика Харири, либо оказаться под жесткими международными санкциями. И в том, и в другом случае позиции сирийского руководства внутри страны окажутся серьезно подорванными и оно, как рассчитывают в Вашингтоне, будет вынуждено отказаться от антизападного и антиизраильского курса. В противном случае может произойти "коррекция режима", и к власти в Сирии придут группы, лояльно относящиеся к США. Нельзя исключать и применения со стороны Соединенных Штатов военной силы против Сирии – по сценарию, повторяющему в своих основных чертах операцию против режима Милошевича в Югославии.

Смена стратегических установок сирийского режима (или смена режима как такового) существенно изменит положение дел в регионе в целом. Сократится тыловая и политическая база палестинских и иракских террористических организаций. Иран потеряет близкого союзника. Улучшатся, соответственно, позиции умеренных палестинских группировок и шансы на стабилизацию ситуации на территориях, подконтрольных Палестинской национальной администрации.

Трансатлантические отношения

В 2005 г. Вашингтону удалось в значительной мере устранить противоречия и разногласия, отравлявшие отношения США с Францией и Германией в связи с войной в Ираке. Возможно, это стало наиболее крупным достижением американской дипломатии последнего времени. Характерным проявлением нового подхода Соединенных Штатов к отношениям с европейскими союзниками стала поддержка Вашингтоном позиции "европейской тройки" по иранской ядерной проблеме.

Европейское направление останется весьма важным в американской политике и в 2006 г. Сверхзадача, поставленная Вашингтоном на этом направлении, - обеспечение максимальной поддержки со стороны союзников по НАТО интересов и действий США в зоне "большого Ближнего Востока". Однако достижение этой цели сталкивается со значительными сложностями.

Сохраняющиеся расхождения американского и европейского подхода к актуальным международным проблемам дополняются трудностями, с которыми сталкивается Европейский Союз. Конституционный кризис в ЕС; сложности, связанные с проблемой вступления в него Турции; будущее Косово; нарастающая напряженность в отношениях с мусульманскими диаспорами – все это подталкивает государства ЕС к тому, чтобы концентрировать внимание, прежде всего, на собственных проблемах. Единственным исключением является иранская ядерная программа, поскольку обретение Ираном ядерного оружия приведет к тяжелым последствиям на Ближнем Востоке, спровоцирует нестабильность в зоне Персидского залива, что немедленно приведет к острому энергетическому кризису.

Дальний Восток

Важное, но, скорее всего, не самое приоритетное место в американской внешней политике в 2006 г. будет занимать Дальний Восток. Урегулирование корейского ядерного кризиса – наиболее острой международной проблемы в Азиатско-Тихоокеанском регионе – постепенно сдвигается вниз в списке первостепенных приоритетов американской внешней политики. Это определяется несколькими обстоятельствами.

Вовлеченность в Ираке отвлекает внимание и ресурсы США от Дальнего Востока. В свою очередь Пхеньян, блокируя заключение какого-либо приемлемого соглашения об отказе КНДР от ядерного оружия, не рискует идти на масштабное обострение ситуации на Корейском полуострове. КНДР реализует, скорее, линию на затягивание переговоров, но не на радикальную эскалацию кризиса. При этом эффективные экономические санкции против Северной Кореи, ее международная изоляция невозможны без реальной поддержки со стороны Китая и Южной Кореи. Но последние не готовы участвовать в них.

США будут и далее добиваться политического решения корейского ядерного кризиса. Но его непременными условиями являются, во-первых, ликвидация северокорейского ядерного оружия и объектов для его разработки и производства, в том числе производства ядерных оружейных материалов. Во-вторых, необходимо исключить или, по крайней мере, минимизировать риск возобновления ядерных оружейных программ в случае, если КНДР выйдет из будущих соглашений об отказе от ядерного оружия. Со своей стороны, КНДР не готова принять такие условия. Иными словами, корейский ядерный кризис оказался в известной мере замороженным.

Крупная военная акция США против Северной Кореи маловероятна. Она возможна лишь в ответ на неустранимую политическими и дипломатическими средствами угрозу применения северокорейского ядерного оружия или развязывания "большой" войны на Корейском полуострове. Вместе с тем США могут пойти на другие формы использования силы против КНДР – например, путем введения морской и воздушной блокады. Эскалации напряженности в зоне Корейского полуострова в 2006 г. может быть дан толчок и вследствие эвентуального столкновения северокорейских и американских вооруженных сил в случае перехвата корабля или самолета КНДР, заподозренного в перевозке ядерного оружия, материалов или оборудования для их производства. Нельзя также исключить американское и южнокорейское военное вмешательство в Северной Корее в случае возникновения там хаоса в результате краха режима, что может привести к попаданию ядерного оружия в руки безответственных и авантюристических элементов.

"Ядерное домино" в регионе (которое, прежде всего, ассоциируется со сценарием ядерного вооружения Японии) стратегическим интересам США, по сути дела, не угрожает. Возможно, даже отвечает этим интересам, поскольку речь шла бы о создании серьезного военного противовеса растущей военной мощи Китая. Последний рассматривается если не всей, то значительной частью американской элиты как соперник, а может быть, и будущий противник США в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Но в 2006 г. американо-китайские отношения останутся, как можно предположить, в сравнительно стабильном состоянии. В них вряд ли возникнут острые проблемы, требующие первостепенного внимания Вашингтона и принятия со стороны США серьезных мер. Однако к концу десятилетия такая ситуация может измениться в случае обострения ситуации вокруг Тайваня.

В этих условиях подход США к основным проблемам региона будет направлен на достижение нескольких целей.

- Предотвращение обострения военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии и в районе Тайваньского пролива. Союзнические обязательства перед Японией и Южной Кореей, а также недопущение китайского силового давления на Тайвань будут оставаться константами политики Вашингтона.

Однако втягивание в вооруженные конфликты на этой почве будет, по-видимому, рассматриваться как крайне нежелательное.

- Купирование эвентуальных дестабилизирующих "выбросов" на почве ядерной проблематики на Корейском полуострове. Таковые могут возникнуть в связи с необходимостью крупномасштабного, в том числе силового вмешательства в ответ на проведение КНДР ядерных испытаний, а также с целью не допустить передачу северокорейским руководством ядерного оружия, либо соответствующих материалов или технологий террористическим группировкам или враждебным США режимам.
- Нарращивание боеспособности американских войск, дислоцированных в регионе, совершенствование военного взаимодействия с Японией и Южной Кореей. Американские войска в Южной Корее передислоцируются в районы, находящиеся вне зоны обстрела северокорейской артиллерии. С Токио достигнуто соглашение о существенном усилении взаимодействия американских и японских вооруженных сил, базировании на постоянной основе в Йокосуке американского авианосца, начале развертывания в 2007 г. американской противоракетной обороны в Японии.
- Поддержание нормальных отношений с Китаем, в том числе для использования китайского влияния на Пхеньян в интересах стабилизации военно-политической обстановки в регионе.

Американо-российские отношения в 2006 г.

Отношения с Россией занимают сравнительно незначительное место в американской внешней политике. Теоретически и США, и Россия заинтересованы в конструктивном развитии партнерства и сотрудничества, прежде всего, в совместном противодействии международным террористическим сетям и группировкам, а также предотвращении распространения оружия массового уничтожения. Такое сотрудничество остается элементом декларируемых позиций двух государств.

Но в Вашингтоне не могут не замечать, что в российском истеблишменте все более утверждаются скептические, негативные и даже враждебные в отношении США настроения. Соединенные Штаты рассматриваются скорее как соперник и потенциальный противник, чем как партнер в совместной борьбе с общими угрозами. В частности, в Москве восприняли как большой успех российской дипломатии требование узбекского руководства о выводе американской военно-воздушной базы из Ханабада. Не менее показательны обозначившиеся в последнее время тенденции развития российско-китайских контактов в военно-политической и военной областях – в них явно просматривается антиамериканская компонента. Далеко не просто складываются российско-американские взаимоотношения применительно к двум наиболее актуальным проблемам ядерного распространения – корейской и иранской.

В результате в США все чаще высказываются сомнения касательно того, насколько перспективна линия на сотрудничество с Россией. Вместе с тем американское руководство считает серьезное обострение отношений с Москвой контрпродуктивным для интересов Соединенных Штатов. Большой вопрос – где проходит та черта, после которой негативные изменения в настрое американских политических кругов касательно отношений с Россией способны приобрести необратимый характер. В сфере нераспространения ядерного оружия эту черту могут, к примеру, обозначить поставки

Ирану или КНДР ракетных технологий, поддержка военных ядерных программ (или программ двойного назначения).

Кроме того, источником напряженности в российско-американских отношениях могут стать в 2006 г. выборы в Белоруссии. США, как и другие западные страны, будут поддерживать антилукашенковскую оппозицию, тогда как Москва, скорее всего, выступит на стороне нынешнего белорусского лидера, который не собирается уступать власть кому бы то ни было. В каких-то чертах может оказаться воспроизведенной ситуация, возникшая в Украине и вокруг нее в конце 2004 г. Представляется, однако, что США, как и ведущие европейские страны, не будут склонны сорвать установившееся "нестабильное равновесие" в отношениях с Россией ради поддержки белорусской оппозиции, если только в стране не будут развязаны массовые политические репрессии.

4. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

В 2005 г. Европейский Союз прошел через ряд серьезных испытаний. Различной глубины кризисы проявились практически на всех ключевых направлениях его развития – институциональном, социально-экономическом, внешнеполитическом, внешней и внутренней безопасности. После десятилетий поступательного движения к углублению интеграции и ее расширению, а также ясного и согласованного целеполагания, соответствующего интересам интеграционного сообщества в целом и отдельных стран-членов, ЕС вошел в фазу неопределенности в своем развитии. Продолжительность этого периода будет зависеть от позиции отдельных стран-членов и их готовности к решению общих проблем. В то же время к скорейшему определению формата дальнейшего развития ЕС будут подталкивать извне – его ближайшие соседи, партнеры в других регионах мира, вызовы глобализации.

Для России состояние неопределенности Евросоюза не является серьезной проблемой или тем более угрозой. Нынешний этап может быть использован Россией для укрепления позиций и создания условий для дальнейшего продвижения по тем направлениям сотрудничества с ЕС, которые соответствуют российским национальным интересам. Более того, возникшая пауза позволяет точнее сформулировать и скорректировать цели России во взаимодействии с ЕС, найти оптимальное решение т.н. "проблемы 2007".

4.1. Кризисные явления

На институциональном уровне проблемы, накапливавшиеся годами и мультиплицированные в итоге масштабного раунда расширения 2004 г., нашли выражение в провале ратификации Конституционного договора ЕС ("Конституции для Европы") во Франции и Голландии. Неудача конституционного проекта – это, прежде всего, выражение негативной реакции внутри ЕС на процесс расширения интеграционной группировки, его социально-экономические последствия. Вместе с тем в прогнозе ФПН на 2005 г. отмечалось, что такой сценарий вел бы к ослаблению ЕС как интегрального политического актора в международных делах.

Существенное влияние на развитие политических процессов в ЕС могут оказать и некоторые события, происшедшие в 2005 г. на национальном уровне – прежде всего выборы в Германии и Польше. Эти две страны относятся к числу лидеров – соответственно старого ядра ЕС и группы его новых членов. Как показали выборы,

политический маятник в Европе качнулся вправо. Но при этом экономических либералов сменили политики, выступающие за усиление государственного регулирования экономики—прежде всего путем повышения налогов.

Победа правых консерваторов свидетельствует, прежде всего, о недовольстве электоратов социально-экономической политикой, приведшей к устойчиво высоким показателям безработицы (в Польше до 18-20%, в Германии до 12%). Причем, по оценкам экспертов, она носит не циклический, а структурный характер, составляя в среднем в зоне евро – 13 странах ЕС – 8,4%. Снизились темпы экономического роста – в Германии рост ВВП составил 0,8%.

Не менее серьезным сигналом для Европейского Союза является и выразившееся в ходе выборов разочарование во внутренней и внешней политике предыдущих правительств, в составе которых было много энтузиастов евроинтеграции. Особенно отчетливо европессимизм проявился в Польше, где победа правых оказалась возможной вследствие того, что значительная часть населения негативно оценивает результаты членства в ЕС. При этом наиболее существенный вклад в развитие этого политического вектора внесли немолодые жители сельских районов с невысоким образовательным уровнем – хотя, как ни парадоксально, именно крестьяне получили наибольшие дивиденды от вступления страны в Евросоюз.

Результаты выборов в Польше и Германии не сулят внутривнутриполитической стабильности в 2006 г. В германском бундестаге ни одна из основных партий не получила явного большинства. В Польше не удалось сформировать коалиционное правительство – что, как свидетельствует предыдущий национальный опыт, может привести к череде правительственных кризисов, особенно если новому руководству не удастся переломить негативные социально-экономические тенденции. Дефицит "уверенности в завтрашнем дне", отсутствие консолидации социума, необходимого для проведения последовательного и твердого внутри- и внешнеполитического курса, могут сказаться и на общей атмосфере в ареале ЕС – в частности, учитывая приближающиеся президентские выборы во Франции, которые должны состояться в 2007 г.

Уроки польских выборов интересны как индикатор европейского политического развития и в ряде иных отношений. Низкая явка избирателей (51%) свидетельствует об отчуждении общества от власти, о разочаровании и фрустрации населения – что становится характерным для многих "транзитных" стран на европейском континенте. Но не только в них могут обнаружиться признаки вступления Европы в фазу некоторого перелома, на которые указывают итоги выборов в Польше. Они выявили, во-первых, устойчивый рост националистических настроений, и, во-вторых, привлекательность призывов к усилению опоры на национальное государство.

Л. Качиньский победил как антилиберал, сторонник социально ответственного государства, защитник тех, кто пострадал от реформ и "шоковой терапии", политик, аккумулировавший поддержку центристской и право-националистической части электорального спектра. В стране, являющейся по конституции парламентской республикой и вошедшей в многосторонние интеграционные альянсы типа ЕС и НАТО, он ратовал за *сильную президентскую власть, за сильное национальное государство, способное эффективно защищать национальные интересы* Польши. Ренессанс национализма и акцент на усилении национального государства, причем в этнически однородной стране, для которой цель "возвращения в Европу" многие годы была фактором, консолидировавшим элиту и большую часть общества, - это серьезная новая вводная для оценки перспектив развития в ЕС.

Выборы в Германии и Польше обострили противоречия и во внешнеполитической сфере – проявившиеся в период войны в Ираке, но, по сути, имеющие вековые корни. Одним из элементов предвыборной программы Л. Качиньского была критика Германии, а также (и особенно) российско-немецкого партнерства. Достигнутые Г.Шредером и В.Путиным договоренности о строительстве Североевропейского газопровода по дну Балтики побудили будущего президента забыть не только о правилах политкорректности, но и о мотивах политической целесообразности – когда он назвал Германию и Россию "злейшими врагами" Польши. Из этого же ряда—заявления о возможности потребовать от Германии компенсацию за разрушенную нацистами Варшаву.

В ФРГ к польским выборам отнеслись настороженно – но и вынесли из них урок. Уже в конце 2005 г. по инициативе нового руководства Германии прошли встречи на высшем уровне, и в 2006 г. кажется правомерным ожидать продолжения интенсивной линии на нормализацию немецко-польских отношений. Фактором, сближающим две страны, будет и намерение их нового руководства уделять особое внимание нормализации и укреплению трансатлантических связей.

А вот стимулов для повышения уровня российско-польских отношений в 2006 г. пока не просматривается – ни со стороны России, ни со стороны Польши. В Москве вряд ли сочтут необходимым вкладывать какие-либо ресурсы в развитие этого внешнеполитического направления – тем более, что здесь возникают все новые психологические раздражители (к примеру, связанные с планами развертывания на польской территории элементов американской ПРО). Но Россия, для которой первостепенно важным остается партнерство с Германией, должна будет, по крайней мере, учитывать польские мотивы в ее внешней политике и действовать достаточно осторожно, чтобы избежать осложнений в отношениях с Берлином.

Глубоким вызовом для европейского политического социума стал осенний кризис во Франции, волна которого выплеснулась на целый ряд других стран Евросоюза, Бунты, сопровождавшиеся массовыми беспорядками, вынудили национальное руководство после долгих колебаний пойти на беспрецедентную меру – введение чрезвычайного положения. Кризис выявил:

- остроту проблем, связанных с миграцией и формированием инокультурных сообществ в европейских странах;
- серьезные недостатки проводимой в этой области политики и, главное, ее концептуальную невнятность;
- глубокие корни национализма и ксенофобии европейцев, принимающих иммигрантов, но не признающих их за равных;
- противоречивость социально-ориентированных моделей, порождающих иждивенческие настроения среди иммигрантов второго-третьего поколений;
- издержки поверхностной "политкорректности", затушевывающей реальные проблемы;
- угрозу серьезного смещения политического спектра в сторону правонационалистических настроений.

Осенние беспорядки во Франции лишь подтвердили распространение и своеобразную мутацию угроз внутренней и внешней безопасности в Европе, наиболее шокирующими проявлениями которых летом 2005 г. стали террористические акты в Лондоне. До этого считалось, что достаточно надежной гарантией безопасности Великобритании являются ее гибкая иммиграционная политика, равно как выдержка во взаимоотношениях даже с теми мусульманскими странами и организациями, которых подозревают в связях с радикально настроенными группами и индивидами.

Драматические события – бунты во Франции и террористические акты в Великобритании – остро поставили перед европейцами "с мирной планеты Венера" вопрос о применении силы для обеспечения внутренней безопасности. Дебаты на этот счет во Франции между премьер-министром Д. де Вильпеном и министром внутренних дел Н. Саркози заранее поставили дилемму "демократия versus безопасность" в повестку дня приближающихся президентских выборов. В Великобритании Палата общин отклонила "антитеррористические" поправки к законодательству, предложенные правительством Тони Блэра.

4.2. В поисках решений

Представляется, что в 2006 г. воздействие национальных парадигм на развитие Европейского Союза будет и далее усиливаться. Это затруднит поиски выхода из институционального кризиса, продлит этап неопределенности в развитии ЕС, сделает маловероятным повышение эффективности интеграционного сообщества на путях активизации наднациональных параметров его политической системы. Развитие иных сценариев в ближайшей перспективе представляется возможным лишь в случае появления серьезной внешней угрозы (например, резкой дестабилизации в непосредственной близости от границ расширенного ЕС).

Отказ ЕС от Конституции ведет, как минимум, к замедлению и переносу на более далекую перспективу, как максимум (что, впрочем, маловероятно) – к полному фиаско планов создания постмодернистской европейской федерации с передачей все большего объема полномочий наднациональным органам. Это, однако, отнюдь не означает конца Евросоюза как интеграционного проекта. Под вопросом оказывается его переход на новый качественный уровень – но не то, что уже реально осуществлено в рамках ЕС и представляет собой уникальный опыт организации транснационального экономического, политического и социального пространства на совершенно новых началах. Недостаточно обоснованным представляется и мнение политиков и экспертов, поспешивших объявить, что в сложившейся ситуации Евросоюз, скорее всего, "вернется к истокам", ограничив свои амбиции сугубо экономической сферой.

Однако возможности формирования в обозримой перспективе общеевропейской идентичности как доминирующей над национальной вызывают сомнения. Сложившаяся в ЕС ситуация объективно способствует повышению роли национальных государств. Все это дало повод для оживления дискуссий о возврате к геополитике, реализму и Вестфальской системе в международных отношениях.

В течение какого-то времени инициативность в проведении экономических реформ тоже может переместиться в национальные структуры. Во всяком случае, смелых экономических новаций в масштабах всего ЕС в ближайшие годы ожидать не стоит. Либеральное реформаторство теряет поддержку в Германии, Польше, Франции. Ни одна из существующих в ЕС социально-экономических моделей – ни франко-немецкая, ни англо-саксонская, ни более успешные датская, финская, голландская и шведская – не считаются приемлемым образцом для воспроизведения в масштабах всего

интеграционного объединения. Наиболее эффективное сочетание государственной поддержки социально значимых проектов и свободного рынка также может варьироваться в зависимости от страны и, следовательно, должно отрабатываться именно на страновом уровне.

Если процессы в ЕС пойдут в данном направлении, то интеграционные институты будут обеспечивать соблюдение общих правил, открытость рынков, поддержание конкуренции, макроэкономическую стабильность. Иными словами, будут способствовать поддержанию механизмов интеграционного взаимодействия в рабочем состоянии (что, конечно же, чрезвычайно важно), но не будут лидерами экономических реформ и инициаторами углубления интеграции в ближайшие годы.

Но со смещением "первой опоры" ЕС в национальную плоскость более активная роль в развитии интеграции может выпасть на две другие сферы ее реализации – в области общей внешней политики и политики безопасности, а также в области внутренних дел. Причем происходить этот процесс будет преимущественно под давлением внешних импульсов, исходящих со стороны "новых соседей" ЕС, а также возникающих в контексте изменений в его отношениях с основными партнерами и контрагентами – США, Китаем, Россией.

4.3. Взаимоотношения с внешним миром—новые ориентиры?

В 2005 г. получила свое дальнейшее развитие Европейская политика (добро)соседства (ЕПС), объектом которой являются 16 стран, формирующих "ближайшее окружение" ЕС в зонах Средиземноморья и СНГ. Им обещано содействие в торговой либерализации (вплоть до "доступа к внутреннему рынку ЕС") и помощь в осуществлении демократических преобразований. К исходу 2005 г. индивидуальные Планы действий в рамках ЕПС были подписаны или готовились к подписанию с 12 странами. В их число входят все страны СНГ, на которые распространяется ЕПС – Украина, Молдова, Армения, Азербайджан и Грузия. Кроме того, ЕПС провозглашает "разделяемую (общую) ответственность" за стабильность и безопасность в соответствующих регионах, необходимость урегулирования имеющихся там конфликтов. В зоне действия ЕПС назначены три спецпредставителя ЕС – по ближневосточному мирному процессу, в Молдове и на Южном Кавказе.

Однако за формальными достижениями на этом направлении скрываются достаточно серьезные проблемы, которые будут давать о себе знать как в 2006 г., так и в более отдаленной перспективе. Не вполне ясно, какова шкала приоритетов в рамках ЕПС (и вообще во взаимоотношениях ЕС с внешним миром) и каким регионам будет уделяться первостепенное внимание – Северной Африке, Ближнему Востоку или постсоветскому пространству. При этом результатом "давления извне" являются противоречивые сигналы. Политический кризис в Украине, усугубляемый подготовкой к парламентским выборам и предстоящим изменением политической системы страны, придает весомость аргументам в пользу необходимости поддержать демократические процессы в странах СНГ. Беспорядки во Франции и нелегальная миграция из стран Магриба в ЕС через Испанию и Грецию заставляет сфокусироваться на Северной Африке. Израильско-палестинский конфликт, ядерная проблема Ирана, нестабильность и незавершенность преобразований в Ираке, задачи обеспечения энергобезопасности ставят во главу угла Ближний Восток. Наконец, обеспечение внутренней безопасности, противодействие угрозам нелегальной миграции, распространения оружия, наркотрафика и преступности требует повышенного внимания ко всем соседям ЕС – от Молдовы до Марокко.

При этом по-прежнему приоритетные соседи (а в более широком плане – приоритетные партнеры) у разных стран-членов ЕС остаются разными. Их определяют, исходя из национальных интересов, исторического опыта, практических потребностей. Парадокс в том, что в ЕС существует уникальный механизм внешнеполитической координации – но его функционирование далеко не всегда оказывается результативным. К тому же в кризисной ситуации страны-члены Евросоюза довольно часто склонны ориентироваться на национальные интересы, прежде всего в торгово-экономической сфере и энергообеспечении. Классическим примером стало подписание договора о строительстве Североевропейского газопровода, несмотря на резко негативную позицию Польши и балтийских государств. При общей установке на укрепление связей с Вашингтоном, в ЕС сохраняются различия в подходах к трансатлантическим отношениям.

Несмотря на намеченное увеличение бюджета ЕПС до 18 млрд. долл. в 2007—2013 гг., ЕС фактически более не располагает самым действенным внешнеполитическим инструментом – перспективой членства, чтобы стимулировать реформы и стабильность у соседей. Предоставление в 2008 г. обещанного членства в ЕС Румынии и Болгарии, решение (в гораздо более долговременной перспективе) вопроса о членстве Турции, включение в ЕС (уже в самом ближайшем будущем) стран бывшей Югославии – тот предел, за который интеграционное объединение, скорее всего, не захочет и не сможет выйти. В связи с этим в 2006 г., вероятно, будет продолжен поиск такой формулы ЕПС, привлекательность которой для стран-соседей приближалась бы к перспективе членства в Евросоюзе. Предлагаемые им политический диалог и постепенное открытие рынка ЕС не являются достаточным стимулом для реформирования.

Усиление национальной парадигмы в ЕС создает условия для развития внешнеполитических и внешнеэкономических контактов в двустороннем формате. Для некоторых внешних партнеров ЕС в этом может заключаться привлекательная возможность более гибких взаимоотношений с теми или иными участниками интеграционного объединения, равно как и не менее привлекательная возможность "обойти" брюссельскую бюрократию из руководства ЕС.

В то же время во внешней политике Евросоюза останутся такие важнейшие стратегические императивы как обеспечение безопасности и стабильности, борьба с терроризмом, предотвращение распространения оружия массового уничтожения, противодействие угрозам нелегальной миграции, торговли оружием, наркотрафика и др. К безусловным факторам стратегического порядка относятся также обеспечение энергобезопасности и развитие политических отношений с ключевыми торгово-экономическими партнерами, прежде всего с Китаем, вторым после США по значимости для ЕС (в 2004 г. объем торговли ЕС с Китаем достиг 175 млрд. евро).

4.4. Россия – Евросоюз

После череды неопределенностей и даже ряда мини-кризисов в первой половине текущего десятилетия отношения России с ЕС вошли в стабильную рабочую колею. В мае 2005 г. были утверждены "дорожные карты", ориентированные на формирование четырех "общих пространств" России и ЕС и определяющие приоритеты их сотрудничества. Акцент на формат "диалога" предполагает не подключение России к механизмам ЕС, а процесс совместного принятия решений по вопросам взаимодействия сторон. Если на первом этапе формирования в ЕС "политики добрососедства" Россию рассматривали в качестве объекта этой политики наряду с другими странами, то в 2005 г. за ней де факто был признан иной, особый статус. Примером активно развивающихся политических интеракций сторон стало совместное заседание

представителей российского правительства и Европейской комиссии в Брюсселе в декабре 2005 г.

Подписание документов о "дорожных картах" не снимает, однако, с повестки дня вопрос о правовой основе взаимоотношений России и ЕС после того, как в 2007 г. истечет срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Этот документ многие считают устаревшим технически и морально; многие его положения утратят актуальность в случае вступления России в ВТО.

Максималистский подход к этой проблеме состоит в том, чтобы подготовить к 2007 г. для подписания принципиально новый документ—соглашение об ассоциации (или "ассоциации особого рода") России и ЕС. В России эту идею активно поддерживают те силы, которые рассматривают взаимодействие и сближение с ЕС как инструмент не только экономической модернизации, но и внутренней демократической трансформации страны. Вместе с тем высказываются и серьезные аргументы против такого плана. Подготовка нового договора неизбежно окажется долгим и трудным процессом, поскольку потребует согласования позиций России и всех участников интеграционного объединения. А вступление нового договора в силу может оказаться под вопросом в связи с необходимостью его ратификации парламентами 25 стран—членов ЕС.

Альтернативой может стать гораздо менее проблемная в юридическом и политическом плане процедура – продление срока действия СПС с возможным внесением в этот документ изменений и дополнений. Работа над таким проектом потребует гораздо меньше времени и может начаться со второй половины 2006 г., когда председательство в ЕС перейдет к Финляндии, а затем к Германии. Параллельно может быть продолжена работа по дальнейшему развитию "дорожных карт".

Активного участия Хельсинки в усилиях по продвижению партнерства России и ЕС можно ожидать и в связи с необходимостью придать новый импульс программе "северного измерения", которая была инициирована Финляндией в конце 1990-х гг. и срок действия которой также подходит к концу. Конкретизация "четырёх пространств" применительно к северо-западу Европы и их корреляция с обновленным "северным измерением" открывают привлекательные возможности для развития конструктивного взаимодействия России и ЕС в этом стратегически важном регионе. В свою очередь Германия как важнейший европейский партнер России может сыграть ключевую роль в модернизации правовых рамок ее взаимоотношений с ЕС.

В целом повестка дня в отношениях России и ЕС сформирована и открывает хорошие перспективы для их дальнейшего сотрудничества. Важным обстоятельством, определяющим его развитие, является растущая взаимозависимость в области энергоресурсов. ЕС, безусловно, заинтересован в их надежном поступлении из России, но диалог сторон в этой области затрагивает и более широкий круг проблем – энергосбережение, энерготранзит, энергетическая безопасность и т.п. Во взаимоотношениях ЕС и России наметился также определенный прогресс по вопросу облегчения визового режима.

Пауза, возникшая в интеграционном развитии ЕС, и усиление национальной составляющей в его эволюции не затрагивают напрямую интересы России. Наоборот, в какой-то мере она может даже оказаться в выигрыше, поскольку традиционно выстраивает свои отношения со странами ЕС в первую очередь на двусторонней основе. Кроме того, сложившаяся ситуация делает менее ощутимым дефицит личных доверительных связей, возникший после ухода Г. Шредера с поста канцлера.

Вместе с тем неопределенность политических перспектив ЕС далеко не всегда дает России основания быть уверенной в его позиции – например, по российским внутренним вопросам. Практически полное отсутствие критики со стороны ЕС в этой области сменилось к концу 2005 г. острой реакцией на проект закона о неправительственных организациях. Нельзя исключить, что в 2006 г. такого рода вовлеченность ЕС в российские дела окажется более ярко выраженной и более наступательной – в частности, в связи с председательством России в "восьмерке" и в Совете Европы.

Из числа других потенциально проблемных тем во взаимоотношениях России и ЕС на первое место в 2006 г. могут выдвинуться прежде всего вопросы, связанные с развитием событий в некоторых регионах СНГ (Молдова/Приднестровье, Грузия/Абхазия).

5. "БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК": ПРОДОЛЖАЮЩАЯСЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

"Большой Ближний Восток"—пояс преимущественно мусульманских государств, протянувшийся от Марокко до Синьцзяна,—играет особую роль в мировой экономике и политике. В этой обширной зоне, прежде всего в бассейне Персидского залива, сосредоточено 70—75 процентов доказанных мировых запасов нефти и 35—40 процентов ее сегодняшней добычи. Одновременно там быстро накапливаются долгосрочные политические, социальные, экономические и идеологические факторы нестабильности. События, происходящие на "большом Ближнем Востоке", могут сорвать нормальное развитие мировой экономики, привести к глобальному энергетическому и, следовательно, политическому кризису. Нельзя исключать, что если иранские ядерные амбиции не будут пресечены политическим путем, то уже в 2006 г. ситуация может резко обостриться в результате силовых мер, предпринятых для предотвращения появления в Иране ядерного оружия.

5.1. Источники нестабильности

На протяжении практически всей второй половины XX века главным источником нестабильности в центральной зоне "большого Ближнего Востока" был конфликт между Израилем и арабскими государствами. В настоящее время этот конфликт трансформировался в противоборство Израиля и террористических исламских организаций, прежде всего палестинских, и сирийско-израильскую конфронтацию. Сегодня, однако, намного более значимыми факторами нестабильности являются военные действия в Ираке, ядерные амбиции и антиизраильские устремления иранского руководства, а также назревающая острая ситуация вокруг Сирии. Все эти факторы будут действовать в 2006 г., предопределяя сложную и взрывоопасную ситуацию в сердцевине "большого Ближнего Востока". Порожденная ими конфронтация может перехлестнуть границы региона, вовлекая в себя США, Россию, а возможно, даже и некоторые европейские государства.

Во время "холодной войны" арабо-израильский конфликт был встроен в военно-политическое противостояние СССР и США. В настоящее время все очаги напряженности в зоне "большого Ближнего Востока" являются элементами формирующейся оси широких противоречий вокруг проблем модернизации региона,

его втягивания в глобализационные процессы, преодоления традиционных ценностей и социально-политических институтов.

В странах "большого Ближнего Востока" нарастает влияние экстремистских исламских движений, обращающихся к терроризму и другим формам политического насилия во имя утверждения своих ценностей и норм как в мусульманском мире, так и за его пределами. Эти группы объединяются в глобальные сети; активно проникают в сепаратистские и иные радикальные группировки, действующие в странах исламского ареала и мусульманских диаспорах, зачастую подчиняют их себе, наращивают свою активность в Европе и в России. Они пользуются прямой и косвенной поддержкой со стороны ряда исламских государств. Включение "большого Ближнего Востока" в глобальные процессы и структуры, информационная революция неизбежно приводят к эрозии и разрушению традиционных групп (как маргинальных, так и элитных), эрозии свойственных им норм, идеологий и ценностей. В итоге возникло и усиливается сопротивление модернизации, которую часто рассматривают как результат враждебного исламу и исламскому образу жизни влияния Запада.

Сопротивление модернизации сопряжено с тяжелой социально-экономической обстановкой в странах "большого Ближнего Востока". В большинстве своем они не в состоянии преодолеть бедность и растущее отставание от государств Запада. В среднем, по данным Мирового банка, годовой доход на душу населения в мусульманском мире в семь с половиной раз уступает аналогичному показателю в развитых странах (соответственно 3700 долл. и 27450 долл.). Положение серьезно осложняется особенностями демографической структуры. Более половины населения этих регионов моложе 20 лет. Эта ситуация сложилась в 1970–е гг. и сохранится в обозримом будущем. К 2025 г. численность молодых людей в странах "большого Ближнего Востока" в возрасте до 14 лет удвоится. Это усугубляет проблему занятости, которая и без того является там весьма тяжелой. Темпы роста численности работоспособного населения в этой зоне, скорее всего, останутся в ближайшие десятилетия в 4 раза более высокими, чем в США, и в 8 раз более высокими, чем в Европе. Между тем уровень безработицы в мусульманских странах намного выше, чем в развитых государствах (от 12–15 до 35 процентов).

Неизбежным итогом этого являются масштабная социальная дифференциация и накопление в городах маргинальных слоев. Распространение грамотности и современных средств массовых коммуникаций способствуют тому, что обездоленные массы, особенно молодежь, намного острее, чем ранее, осознают свое ущемленное положение и, соответственно, склонны к выражению протеста всеми доступными им средствами. Растет озлобленность и другие негативные эмоции, способствующие широкому распространению экстремистских настроений. Усиливается разочарование в пришедших извне концепциях: национализме, либерализме и левых взглядах. Ширится обращение к традиционным идеям и ценностям. Возникает искушение объяснить провалы социально-экономического развития попытками реализовать в исламском мире враждебные ему идеи, идущие из христианского мира. В итоге нестабильность, экстремизм и терроризм приобретают долгосрочный характер. Порождающие их причины не могут быть преодолены в относительно короткое время—даже при условии серьезного увеличения экономической помощи и иных ресурсов, выделяемых на цели развития.

Обращение к традиционным ценностям, характерное для "большого Ближнего Востока", де-факто означает обращение к фундаменталистскому варианту ислама. Для него характерны возвращение к исходному вероучению, "не испорченному" последующими трактовками и интерпретациями. В этот идеологический субстрат легче имплантируется идея непримиримой "священной войны" с неверными, к которым

относят как приверженцев иных религиозных учений, так и мусульман, не разделяющих фундаменталистские взгляды. Фундаментализм не равнозначен радикализму—но его предрасположенность к радикальным идеям не может не настораживать.

Тревожным является то обстоятельство, что ислам (в том числе в своей фундаменталистской и радикальной интерпретации) привлекает не только так называемых "этнических мусульман", но и коренных жителей европейских стран, причем этот процесс ускорился после 11 сентября 2001 г. В частности, количество этнических французов, обращенных в ислам, составляет от 30 до 50 тыс. человек.

5.2. Ирак: "вести войну легче, чем утвердить мир"

Развитие событий в Ираке после войны 2003 г. является наглядной иллюстрацией сформулированного Жоржем Клемансо тезиса о том, что "вести войну легче, чем утвердить мир". Ирак останется в 2006 г. опасным очагом напряженности, прямое и косвенное влияние которого выходит далеко за пределы "большого Ближнего Востока". Оснований ожидать там быстрой стабилизации обстановки, прежде всего подавления террористической и криминальной активности, фактически нет. Одной из основных причин этого является глубокое изменение соотношения сил и влияния крупнейших этнических и религиозных групп, а именно—вытеснение из ключевых общественных, политических и административных структур арабов-суннитов и выход на ключевые позиции курдов и шиитов. Главными источниками хаоса и нестабильности являются:

- Деятельность кадровых сотрудников саддамовского режима, прежде всего функционеров партии Баас, служб безопасности, части армейского офицерства, которые не нашли места в новых формирующихся институтах власти. Эти круги опираются на арабское суннитское меньшинство, насчитывающее около 20 процентов населения страны.
- Радикальные исламские движения как суннитского, так и шиитского толка, среди которых выделяются группы, связанные с аль-Каидой и другими международными исламскими террористическими сетями.
- Криминальные группировки, заинтересованные в сохранении хаоса и слабости власти для беспрепятственного преступной деятельности.

Американский контингент в Ираке, насчитывающий около 150 тыс. человек, может обеспечить физическую безопасность высшего руководства и важнейших институтов управления, основных коммуникаций и экономических объектов; подавить массовые беспорядки и предотвратить приход к власти деструктивных сил. Но он не в состоянии поддержать правопорядок и пресечь террористическую активность. Армейские части не предназначены для решения такого рода задач—это является функцией полицейских и специальных служб. Кроме того, указанные службы должны быть не иностранными, а национальными. Только местные кадры знают особенности и специфику ситуации, могут создать эффективную сеть информаторов и обеспечить другие необходимые условия борьбы с терроризмом и преступностью. Иными словами, стабилизация положения в Ираке прямо зависит от того, насколько быстро будут формироваться институты политической власти, способные предоставить населению нормальное жизнеобеспечение и восстановить правопорядок. Собственно, американская стратегия в Ираке и заключается в том, чтобы содействовать этому процессу, постепенно переключая на иракские правоохранительные структуры все большую часть усилий по поддержанию безопасности.

Становление новых иракских институтов власти идет медленно, но в целом достаточно последовательно. Несмотря на бойкот со стороны суннитских лидеров, 30 января 2005 г. прошли выборы во Временное национальное собрание. Оно сформировало высшие органы власти и подготовило конституцию страны, по которой 15 октября 2005 г. года состоялся референдум. В нем приняли участие 63 процента иракских избирателей. 78 процентов участвовавших в голосовании высказались за одобрение конституции, в соответствии с которой 15 декабря 2005 г. состоялись выборы в теперь уже "полноценный" парламент страны. Это стало заключительной фазой выполнения разработанной ранее американской администрацией "дорожной карты" создания в Ираке легитимных органов власти.

Распределение голосов на октябрьском референдуме характеризует важные особенности политической ситуации в Ираке. В провинциях, где большинство населения составляют арабы суннитского толка, за конституцию проголосовало от 3 до 18 процентов избирателей; в провинциях со смешанным населением—от 45 до 78 процентов; в провинциях, населенных курдами и арабами шиитского толка, за конституцию проголосовало подавляющее большинство избирателей—от 95 до 99 процентов. В целом по стране картина вырисовывается следующая: хотя в большинстве своем иракцы выступают против иностранного военного присутствия, они поддерживают усилия по стабилизации обстановки и формированию нового политического режима.

В настоящее время нет оснований ожидать существенных изменений сложившихся тенденций развития событий в Ираке. В 2006 г. будет продолжаться медленный, но неуклонный процесс становления новых органов и структур власти на фоне продолжающихся террористических выступлений. США не будут сколько-нибудь существенно сокращать свое военное присутствие в Ираке, но сосредоточат усилия на подготовке персонала иракских правоохранительных органов, их материальном и организационном укреплении.

5.3. Палестино-израильский конфликт

Развитие событий в Израиле в 2005 г. определяет основные особенности политической и военно-политической обстановки, которая может сложиться в 2006 г. Правительству Ариэля Шарона удалось, несмотря на острую критику внутри страны, вывести израильские поселения из сектора Газа и несколько мелких поселений с Западного берега. Это позволило оптимизировать административную границу с территориями, находящимися под управлением Палестинской администрации, сделать ее более защищаемой с точки зрения безопасности. Однако вывод израильских войск из сектора Газа, в том числе штабов разведывательных и контрразведывательных служб, существенно сократил возможности Израиля противодействовать палестинским террористическим организациям, имеющим в секторе Газа свои опорные пункты. И все же есть основания говорить о все более четко обозначаемом подходе Израиля к фактическому оформлению и укреплению границы с будущим палестинским государством (если, разумеется, оно когда-либо будет создано).

В конце 2005 г. Ариэль Шарон предпринял нестандартный, но эффективный и эффективный ход, существенно укрепив свое положение в политической системе страны. Вместе со своими сторонниками он вышел из партии Ликуд, сформировал новую партию и обратился к президенту страны с просьбой назначить внеочередные парламентские выборы. Они состоятся 28 марта 2006 г., и опросы общественного мнения показывают, что партия Шарона, которую считают центристской и прагматичной, может завоевать относительное большинство в будущем парламенте,

получив там от 30 до 33 мест. А парламентское представительство Ликуда может сократиться с впечатляющих 40 до непритязательных 12-15 мест. Шарон, скорее всего, и сформирует новое более устойчивое правительство.

Будет продолжен нынешний курс в отношении с Палестинской национальной администрацией (ПНА). Его суть в том, чтобы, не ставя под сомнение "дорожную карту", добиваться таких условий потенциального урегулирования палестино-израильского конфликта, которые отвечают интересам безопасности Израиля и реальному соотношению сил в этом конфликте. Нет оснований ожидать, что Израиль пойдет на принятие палестинских требований относительно Восточного Иерусалима, границ, беженцев и так далее. Напротив, появляется все больше свидетельств готовности израильского правительства объявить линию прохождения "барьера безопасности" будущей границей Израиля, отделяющей его от палестинских территорий на Западном берегу. Вряд ли изменится позиция Израиля по проблеме палестинских беженцев: они должны будут возвращаться, если, разумеется, захотят это сделать, на территорию будущего палестинского государства.

Сомнительно, что удастся добиться радикальной стабилизации положения дел на территориях, находящихся под контролем ПНА. Как и предсказывали практически все наблюдатели, руководство ПНА во главе с Махмудом Аббасом оказалось не в состоянии пресечь террористическую деятельность многочисленных радикальных палестинских организаций, среди которых основную роль играют ХАМАС, Хезболла, Исламский джихад и им подобные. "Праймериз", проведенные в конце 2005 г. в преддверии намеченных на 25 января 2006 г. выборов в Палестинский законодательный совет, свидетельствуют о сильном политическом влиянии экстремистских организаций среди арабского населения. В частности, один из ультра-радикальных палестинских лидеров Марван Баргути, отбывающий в израильской тюрьме пять пожизненных сроков за убийства и терроризм, набрал 96 процентов голосов в административном центре палестинских территорий Рамалле.

В течение 2006 г. Израиль после весьма вероятной победы Ариэля Шарона будет шаг за шагом утверждать де-факто свои варианты урегулирования конфликта (прежде всего в отношении границ будущего палестинского государства), вести вязкие переговоры с палестинским руководством. Будут продолжаться террористические акции палестинских радикалов, хотя, судя по всему, они не пойдут на развязывание новой интифады. Палестинское руководство будет по-прежнему находиться между двух огней. С одной стороны, на него будут оказывать давление радикальные группировки, опирающиеся на маргинальные и озлобленные слои арабского населения. Показательно, например, что так называемые Бригады мучеников аль-Акса, боевое крыло ФАТХ, поддержали печально известный призыв нового иранского президента Ахмади-Нежада "стереть Израиль с карты мира". С другой стороны, давление будет исходить также США и европейские государства, стремящиеся снизить остроту напряженности на Ближнем Востоке. Эта застойная ситуация, однако, может измениться в случае падения режима Башира аль-Ассада в Сирии или серьезных сдвигов в сирийской политике.

5.4. Сирия на грани перемен

В 2005 г. произошли важные события, способные привести к крупным переменам в Сирии. 14 февраля 2005 года в Бейруте был убит видный ливанский политик, бывший премьер-министр страны Рафик Харири. Довольно скоро было установлено, что в этом преступлении замешаны сирийские специальные службы. Весной 2005 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию 1559 о выводе сирийских войск из Ливана—с

чем Дамаск должен был согласиться. Однако неблагоприятные для режима Асада события продолжали развиваться. Была создана действующая по мандату ООН международная следственная комиссия под руководством немецкого прокурора Детлева Мехлиса, которая должна прояснить вопрос об участии в убийстве Харири высокопоставленных сирийских деятелей. В число подозреваемых входят члены "внутреннего круга" президента—его брат Махер аль-Ассад, командир дислоцированной около Дамаска элитной бригады, предназначенной для обеспечения порядка в городе и безопасности высшего руководства; а также шурина президента Асеф Шавкат, шеф сирийской военной разведки. 31 октября 2005 г. Совет безопасности ООН, несмотря на недовольство России, принял резолюцию 1636, согласно которой Сирию ждут международные санкции, если она не будет конструктивно сотрудничать с комиссией Мехлиса.

В итоге президент Ассад оказался в крайне трудном положении. Если он решится выполнить ожидаемые рекомендации комиссии Мехлиса и выдать близких к себе людей для судебного разбирательства в Ливан, его репутация в сирийской элите может быть серьезно подорвана. Если же он под тем или иным предлогом откажется от этого, то страна попадет под международные санкции. В частности, будут заморожены сирийские активы за рубежом, серьезно ограничена торговля, в том числе поставки нефти из Ирака, и т.д. Это приведет к существенному ухудшению положения масс, которое и без того весьма непростое (в частности, уровень безработицы достигает 20 процентов, причем около половины безработных—молодежь в возрасте до 20 лет), и, соответственно, к политическим трудностям. В случае неблагоприятного для Сирии развития событий она может стать объектом ограниченной военной операции США и, возможно, Израиля.

Выходом из этой ситуации для Асада может стать кардинальное изменение внешнеполитической стратегии и сближение с США с тем, чтобы получить массивную экономическую помощь, способную нейтрализовать недовольство сирийской верхушки и населения. Это—наиболее желательный для Соединенных Штатов поворот событий, поскольку в случае краха режима Асада к власти в Сирии способны прийти еще более радикальные и непредсказуемые силы. Действительно, если на поверхность выплеснутся накопленные за многолетнее правление Хафеза Асада, отца нынешнего президента, межконфессиональные и этнические противоречия, то это чревато широкомасштабной гражданской войной—в которой всегда велики шансы на победу у наиболее воинственных и бескомпромиссных кругов. А это в условиях Ближнего Востока прежде всего исламские радикалы.

Таким образом, интересы Асада и США могут совпасть. Если положение будет развиваться именно в таком направлении, что представляется вполне вероятным, то в 2006 г. в стратегической ситуации на Ближнем Востоке могут произойти серьезные перемены. Иран лишится своего главного и, по сути дела, единственного союзника в арабском мире. Будут серьезно ослаблены позиции террористических организаций, в том числе Хезболлы, базирующейся главным образом в Ливане. Ее силы, как и находящиеся в Ливане опорные пункты и инфраструктура палестинских террористических группировок, окажутся без прикрытия сирийских войск. Укрепится положение здравомыслящих политических сил на палестинских территориях.

Наконец, сложится более благоприятная обстановка для политического урегулирования самой острой и взрывоопасной проблемы "большого Ближнего Востока", порожденной иранскими ядерными амбициями.

5.5. Иранский ядерный кризис

Летом 2005 г. президентом Ирана был избран Махмуд Ахмади-Нежад, имеющий репутацию исламского экстремиста. Это подтвердило правомерность широко распространенных представлений о том, что накопление в исламском мире социальной неудовлетворенности приводит к разочарованию значительных масс населения, прежде всего не имеющей ясных перспектив молодежи, в умеренных политиках. В результате на первый план политической жизни выходят деятели радикального толка. Как правило, это либо ограниченные фанатики, разделяющие распространенные в маргинализированных слоях предрассудки, либо политические манипуляторы, умело спекулирующие на фобиях и иллюзиях масс.

Во второй половине 2005 г. существенно обострилась ситуация вокруг иранской ядерной программы.

- В августе 2005 г. Иран возобновил работы по обогащению урана в ядерном центре в Исфахане, а в ноябре официально признал факт их проведения. Это стало нарушением достигнутой в 2004 г. договоренности с тремя европейскими державами—Францией, Германией и Великобританией.
- Осенью 2005 г. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) опубликовало очередной доклад о нарушениях Ираном обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия.
- В конце 2005 г. генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед эль Барадей заявил, что атомная бомба может появиться у Ирана уже через несколько месяцев после возобновления производства обогащенного урана.

Таким образом, началось стремительное развитие иранского ядерного кризиса, который в 2006 г. может дойти до весьма опасного уровня.

Если у Ирана и есть определенные мотивы для того, чтобы рассматривать вопрос о ядерном оружии в контексте обеспечения собственной безопасности, эта логика находится в очевидном противоречии с его обязательствами по Договору о нераспространении ядерного оружия. Но очевидно и другое: интервенция в соседнем Ираке с целью смены режима не могла не стать серьезным сигналом для всех, кто по тем или иным причинам опасается воспроизведения такого сценария в своей стране.

Однако последствия обретения Ираном ядерного оружия могут оказаться крайне негативными и привести к серьезной дестабилизации на Ближнем Востоке. Под прикрытием ядерного потенциала Тегеран получит возможность безнаказанно осуществлять политическую и военно-политическую экспансию в прилегающих регионах, в том числе—и, может быть, в первую очередь—в зоне Персидского залива. Это способно привести к опасному нарушению баланса сил в регионе: в частности, Саудовская Аравия может проявить интерес к приобретению ядерного оружия, а Турция—поставить вопрос о наращивании американского ядерного потенциала на своей территории.

Но главное в том, что Иран получит реальную возможность контролировать потоки нефти, идущие из Персидского залива. Влияние этого обстоятельства на мировой нефтяной рынок точно оценить трудно. Понятно, однако, что оно будет крайне негативным; в частности, серьезно повысятся цены на нефть. Нельзя исключать нового

энергетического кризиса, сопоставимого по своим масштабам и последствиям с нефтяным кризисом 1970-х гг.

Международные усилия по урегулированию иранского ядерного кризиса политическими средствами остаются безрезультатными. Тегеран, например, отверг предложение России о переносе производства обогащенного урана для иранских атомных электростанций на ее территорию. Он отказывается принять какие-либо гарантии европейских государств по поставкам ядерного топлива, настаивая на своем праве заниматься обогащением урана. Между тем невозможно представить себе какие-либо технологические или организационно-политические гарантии того, что производство обогащенного урана не сделает возможным производство и ядерного оружия.

Неэффективность международных усилий по предотвращению ядерного вооружения Ирана путем использования политических средств обусловлена во многом отсутствием единства на этот счет среди постоянных членов Совета Безопасности ООН. Россия и Китай выступают против применения к Ирану каких-либо санкций, коль скоро нарушения с его стороны только ожидаются или предполагаются, но остаются недоказанными. Европейские страны также далеко не в полной мере готовы поддержать жесткие действия против Ирана. В этих условиях эвентуальное обращение МАГАТЭ в Совет Безопасности ООН с просьбой рассмотреть нарушения Ираном обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия может иметь политический резонанс—но не иметь практических последствий. , что предусмотрено уставом Агентства, практически бессмысленно. В лучшем случае это завершится принятием очередной бессодержательной резолюции и в очередной раз даст основания для рассуждений о политической импотенции ООН, ее низкой эффективности как инструмента решения острых проблем международной безопасности.

Вовлеченность США в Ираке предельно сокращает американские политические возможности проведения эффективной военной операции против Ирана. Однако если будут получены убедительные свидетельства того, что Иран действительно близок к созданию ядерного оружия, то США и Израиль обратятся к жесткому силовому давлению на Тегеран, вплоть до нанесения "хирургических" авиаракетных ударов по иранским ядерным объектам и, возможно, центрам политического руководства.

Впрочем, не должна списываться со счетов и возможность урегулирования иранского ядерного кризиса политическим путем—либо в результате изменения политики существующего руководства страны (что маловероятно), либо путем смены власти, а может быть, и режима в Иране. Умеренные иранские политические круги, значительная часть деловой элиты, в целом—то есть та часть иранского общества, которая ориентируется на модернизацию страны и светские политические и экономические институты—испытывают растущую озабоченность популистскими действиями нынешнего руководства внутри страны и его безответственной внешней политикой.

Теоретически эти силы могли бы инициировать перемены в иранской политической системе и осуществить поворот в сторону сотрудничества с Западом и, прежде всего, Соединенными Штатами. Для этого Иран должен отказаться от части ядерной программы, которая имеет двойное применение, и перестать поддерживать исламские террористические организации. И то, и другое вполне возможно. Видимо, именно на такое развитие событий ориентируются сегодня лидеры европейских государств. Здесь, однако, неясным остается фактор времени: ведь Тегеран может обрести реальную способность производить ядерное оружие раньше, чем произойдет смена вектора

иранского политического развития. Поэтому в 2006 г. ситуация вокруг Ирана может резко обостриться.

5.6. Россия и "большой Ближний Восток"

У Москвы, на первый взгляд, нет особой нужды постоянно и пристально следить за событиями в "большом Ближнем Востоке" на всем его протяжении. Однако, во-первых, там все же присутствуют российские интересы (и в некоторых районах—немалые), а во-вторых, они вписаны в исключительно сложный, противоречивый и лабильный контекст. При этом дополнительными причинами трудностей для российской дипломатии являются:

- бюрократическая инерционность и ведомственная несогласованность;
- отсутствие внятных стратегических ориентиров либо недостаточная корреляция политического курса в регионе с императивами более общего порядка;
- эрозия традиций российского востоковедения наряду с их невостребованностью практической политикой.

Ярким примером возникающих на этой почве коллизий стало решение о предстоящих поставках Ирану российских зенитных систем Тор М-1 и соответствующая резко негативная реакция на Западе, причем не только в США. Повторение такого рода эпизодов в 2006 г. не исключено и чревато достаточно серьезными негативными последствиями с точки зрения интересов России. Эти интересы, как представляется, требуют:

- поддерживать присутствие России в зоне "большого Ближнего Востока"—пусть даже преимущественно символическое и лишь в некоторых его наиболее важных точках, но желательно в кооперативном взаимодействии с другими участниками международной жизни;
- сохранять достаточно значительную свободу рук и избегать политической ангажированности, неизбежной в случае безоговорочной поддержки какой-либо одной стороны из числа конкурирующих сил или их внешних партнеров;
- оценивать приоритетность своих действий в зоне "большого Ближнего Востока" (намечаемых из стремления к экономической выгоде, по статусным соображениям, исходя из мотивов геополитического или идеологического порядка или по иным основаниям) применительно к целям и возможным издержкам российской внешней политики на *ключевых* ее направлениях.

В любом случае России важно не допустить, чтобы в связи с возможными расхождениями с США и Европой по поводу "большого Ближнего Востока" не был нанесен ущерб отношениям с этими стратегически важными для нее партнерами.

6. АЗИТАТСКИЙ ВЕКТОР: УСТОЙЧИВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

В другом важном сегменте азиатского ареала международной системы—Северо-Восточной Азии—тенденции выглядят несколько более обнадеживающими: в 2006 г.

здесь можно ожидать относительного преобладания тех факторов, которые будут работать на стабилизацию обстановки.

В 2006 г. в регионе, естественно, не исчезнет соперничество в отношениях между главными игроками. Наоборот, оно может нарастать—но будет компенсироваться более мощными интересами сотрудничества в экономике, энергетике, борьбе с традиционными и новыми угрозами безопасности. Возрастание экономической взаимозависимости по линии Китай—США и Китай—Япония будет определять пределы эвентуального ухудшения их политических отношений.

Примечательной чертой развития ситуации в регионе будет активный поиск Китаем своего нового политического позиционирования, соответствующего его растущей экономической мощи. Пекин заинтересован в формировании стабильного международно-политического окружения—такого, которое не отвлекало бы его от решения грандиозных внутренних задач. В этом контексте сближение Китая и России, какие бы предположения ни высказывались касательно его мотивов, играет позитивную роль в плане формирования более устойчиво международно-политической среды в Северо-Восточной Азии.

6.1. Факторы стабилизации

К важным факторам стабилизации относится *шестисторонний переговорный процесс* в Пекине по Северной Корее.

Несмотря на отсутствие реального прогресса в деле ядерного разоружения Пхеньяна, сам факт существования многостороннего переговорного формата в регионе знаменателен. Впервые в истории присутствующие в этой зоне "тяжеловесы"—Россия, США, Китай, Япония, а также страна с третьей по размерам азиатской экономикой—Южная Корея, получили возможность совместно ставить и обсуждать общие проблемы безопасности и развития. И даже смогли принять Совместное заявление от 19 сентября 2005 г., что само по себе, имея в виду круг участников переговоров, является беспрецедентным событием.

Хотя в отношении этого документа было высказано немало критических суждений (касательно его малоконкретного характера, присущих ему противоречий, двусмысленности отдельных положений), в целом есть все основания оценить его позитивно.

- Во-первых, он закладывает—впервые!—некий консенсусный вектор для дальнейшего обсуждения проблематики переговоров.
- Во-вторых, в этом документе США официально подтвердили факт отсутствия их ядерного оружия в Южной Корее (что само по себе является важным обстоятельством для двух других ядерных держав, участвующих в переговорах,—России и Китая).
- В-третьих, Китай продемонстрировал продуктивное дипломатическое взаимодействие по конкретной региональной проблеме с другими участниками международной жизни. Важно, что контрагентом кооперативного взаимодействия Китая стали, в числе прочих, и США.

Опыт переговорного процесса в Пекине может оказаться полезным в плане поиска возможностей многостороннего подхода и к другим проблемам региональной

безопасности. Правда, реализовать эту идею в 2006 г. вряд ли удастся, поскольку в ее поддержку высказываются пока только Китая и Южная Корея. За пределами северокорейской проблематики страны региона склонны отдавать предпочтение двусторонним связям.

Другое важное для стабильности измерение региональной обстановки— *энергетическая безопасность*. Возникающие здесь угрозы и риски будут подталкивать страны Северо-Восточной Азии к поиску вариантов многосторонней взаимостраховки—на случай непредсказуемости поведения мировых энергетических рынков. Перспектива реальных интеграционных действий в этой области представляется все еще достаточно отдаленной—но в 2006 г. можно ожидать активизации аналитических дискуссий касательно создания "восточно-азиатского рынка углеводородов" (на основе российских ресурсов), координации и синхронизации энергетической стратегии в Северо-Восточной Азии.

Здесь, впрочем, существует и обратная сторона медали. Продолжение роста мировых цен на энергоносители окажет сдерживающее воздействие на экономический рост в Северо-Восточной Азии, заставит страны региона искать альтернативные источники поставок нефти и газа. Это усилит конкурентную борьбу, прежде всего между Китаем и Японией, за доступ к ресурсам углеводородов в России, Африке, на Ближнем Востоке. Южная Корея, а также Индия будут стараться занять свои ниши в новом глобальном "энергетическом переделе".

Как и другим регионам планеты, Северо-Восточной Азии приходится сталкиваться с *новыми и "нетрадиционными" вызовами*: терроризмом, пиратством, экологическими бедствиями, природными и техногенными катастрофами, угрозами эпидемий и т.п. Ставя под удар стабильность социума, они могут одновременно сыграть и "объединительную" роль, побуждая страны региона к политическому взаимодействию совершенно нового качества—например, на основе уже принятых США, Китаем, Японией решений о выделении в 2005-2006 гг. крупных средств на борьбу с "птичьим гриппом".

Наконец, стабилизирующую политическую роль будут играть уже существующие и формирующиеся *многосторонние экономические форматы*, охватывающие страны Восточной Азии в целом: "АСЕАН плюс три", "АСЕАН плюс X" (Китай, Южная Корея, Япония), Восточно-Азиатский саммит, АТЭС и АРФ.

6.2. Ядерная проблема на Корейском полуострове

В феврале 2005 г. Пхеньян заявил о наличии у него ядерного оружия, что явилось серьезным вызовом международному режиму нераспространения ОМУ. Вместе с тем в сентябре 2005 г., как отмечалось, участники переговорного процесса приняли Совместное заявление, которое в значительной степени разрядило обстановку. Оба этих события показательны для положения дел вокруг северокорейской ядерной проблемы. В общем плане можно ожидать, что и в 2006 г. эта неопределенность будет сохраняться.

Пхеньян использует ядерный фактор с целью обеспечить политическое выживание режима. Эта линия включает:

- вовлечение США в политический диалог (что само по себе уменьшает вероятность переведения конфликта в военную плоскость);

- увязку самого факта участия в многосторонних переговорах по обеспечению безопасности на Корейском полуострове с получением экономической помощи от Китая и Южной Кореи;
- затягивание этого процесса с тем, чтобы продолжать получение политических и экономических дивидендов.

Хотя само проведение шестисторонних переговоров, как уже отмечалось выше, имеет стабилизирующий эффект, в ходе их последних раундов в сентябре и ноябре 2005 г. вновь выявилась несогласованность подходов "пятерки" (Южная Корея, Россия, США, Китай, Япония) к политике КНДР. Последней удалось закрепить некоторые важные для себя подходы.

- В шестисторонний формат фактически имплантирована модель двустороннего взаимодействия КНДР и США. Эти двое участников ведут диалог, Китай выполняет посредническую миссию, а остальные ждут, когда возникнут договоренности.
- Пхеньян преуспел в том, чтобы главный фокус дискуссий сместился с северокорейской ядерной военной программы на проблему безъядерного статуса всего Корейского полуострова. Тем самым обязательство КНДР свернуть свою ядерную военную программу и вернуться в ДНЯО и МАГАТЭ может быть увязано с проверкой утверждений США и Южной Кореи о том, что у них нет ядерного оружия на полуострове. При этом очередность проверки безъядерного статуса Корейского полуострова к северу и югу от демилитаризованной зоны не определена.
- В обмен на более чем полумиллиардную помощь в виде товаров и товарных кредитов от Сеула и Пекина за сам факт участия в последних раундах переговоров, на выраженную "пятеркой" готовность в дальнейшем оказывать Северной Корее экономическую и энергетическую помощь, наконец, на обязательства США и Японии нормализовать отношения с Северной Кореей— Пхеньян ограничился не конкретизированным по срокам и последовательности действий обещанием прекратить военную ядерную программу и вернуться в ДНЯО и МАГАТЭ. Между тем о состоянии этой программы мало что можно сказать наверняка; большинство неамериканских экспертов склоняется к тому, что КНДР не обладает техническими возможностями для создания атомной бомбы и просто блефует.
- Пхеньяну удалось побудить Вашингтон пойти на уступки в вопросе об оказании КНДР содействия в развитии мирной энергетики. Ранее США против этого категорически возражали.

В целом можно предположить, что определенная "уступчивость" американской стороны связана с тем влиянием на внутривнутриполитическую ситуацию в США, которое оказывают развитие обстановки в Ираке и Афганистане, а также неясные перспективы решения иранской ядерной проблемы. Администрации Дж.Буша было важно показать американской общественности свое умение добиваться дипломатических успехов в сложных ситуациях, к которым в США относят и северокорейскую.

Обращает на себя внимание развитие диалога между двумя Кореями. Пхеньян добился успеха в вычленении его из общего контекста многосторонних переговоров, что было и остается для северокорейских властей политически важным. Сеул же заинтересован в

возможно более широком вовлечении Севера в контакты с Югом по стратегическим и пропагандистским соображениям—за что готов платить немалую цену. В предстоящие 13 лет она составит порядка 15 млрд. долл. только на поставку электроэнергии и затем на строительство атомного реактора, плюс примерно 500-700 млн. долл. ежегодно в качестве помощи северокорейской экономике.

Исходя из сложившихся тенденций развития в регионе, можно ожидать, что каких-то серьезных прорывов в 2006 г в северокорейской ядерной ситуации не произойдет. Она скорее всего будет развиваться в виде ставших уже почти рутинными интеракций—хотя в этом "тягучем" процессе могут быть определенные взлеты и падения. Пхеньян будет продолжать получать экономическую помощь от Пекина и Сеула за сам факт продолжения своего участия в периодически то возобновляемых, то откладываемых шестисторонних переговорах.

Ситуацию могут обострить действия США, если Вашингтон сочтет необходимым добиваться прогресса в разрешении конфликта до конца второго президентского срока Буша. Однако нежелание Китая и Южной Кореи нести риски силового варианта решения будут оказывать сдерживающее воздействие на американскую дипломатию. Другим сдерживающим фактором в 2006 г. будет оставаться "завязка" США на положении дел в Ираке и Афганистане.

6.3. Другие проблемные узлы

В Северо-Восточной Азии продолжают существовать *территориальные споры*, в которые вовлечены Япония, Россия, Южная Корея, Китай. В 2006 г. практически наверняка ни по одному из них приблизиться к урегулированию не удастся. Однако двусторонние переговоры в поисках развязок и, параллельно и независимо от этого, развитие регионального экономического сотрудничества могут уменьшить негативное воздействие территориальных проблем на региональную безопасность. Возможные всплески напряженности не будут выходить за рамки "дипломатических стычек" местного значения.

Китайско-японские и южнокорейско-японские *споры по вопросам истории* также не будут выходить за пределы рутинного, хотя временами и эмоционально окрашенного обмена адресуемых друг другу упреков. Пекин будет использовать обращенные к истории аргумента как дипломатическую карту в целях набрать дополнительные очки в своем соперничестве с Токио за лидерство в Восточной Азии. А Сеул—по мотивам внутривнутриполитической борьбы, в которой присутствует фактор национализма.

Вокруг *тайваньской проблемы* в 2006 г. не исключено обострение военно-политического противостояния. Пекин будет использовать победу оппозиционных сил во главе с Гоминьданом на муниципальных выборах на Тайване в декабре 2005 г. для активизации дипломатического и психологического давления на Тайбэй и в целом на тайваньское население с целью ослабить настроения в пользу независимости. В качестве основных рычагов будут задействованы тесные контакты с оппозицией, предоставление торговых льгот, расширение экономического сотрудничества и обменов по линии туризма, культурных и научных связей и т.п. Парадоксальным образом тайваньскому руководству может оказаться выгодным нагнетание в международном сообществе опасений касательно стремления Пекина к силовым действиям.

В такой ситуации принятый в 2005 г в КНР "закон против раскола страны" может, вопреки некоторым алармистским комментариям, иметь сдерживающий эффект. Нет

оснований полагать, как это делают сторонники тайваньской независимости, что он "дал право на применение силы"—поскольку Пекин всегда считал, что таковым он, безусловно, располагает. Но указанный закон перевел вопрос применения силы из политической плоскости в правовую; кроме того, он имеет и опеределнную внутривполитическую направленность, защищая пекинское руководство от нападков оппонентов и обвинений в "бездействии" по отношению к Тайваню.

6.4. Фактор Китая

Важнейшими параметрами складывающейся в Северо-Восточной Азии ситуации является возрастающая экономическая мощь Китая, его весомые позиции на мировых товарных рынках и начавшаяся в 2004–2005 гг. стремительная экспансия китайского капитала за рубеж.

Вместе с тем пока—во всяком случае применительно к 2006 г.—нет оснований говорить о возникновении четко прописанных политических амбициях Китая. Он еще не склонен взять на себя бремя глобальной ответственности наравне с мировыми лидерами—хотя, по-видимому, уже не будет готов удовлетвориться второстепенной ролью в формировании новой глобальной и региональной архитектуры безопасности. Не заинтересован он, по прагматическим соображениям, и в утрате преимуществ статуса развивающейся страны. Развивая стратегический диалог с "большой восьмеркой" и укрепляя свои позиции в ООН и ВТО, Китай, по всей видимости, постарается, позиционировать себя в роли своего рода "моста" между развитыми и развивающимися странами.

Китай проявляет заинтересованность в поиске конкретных путей выстраивания диалога по проблемам безопасности с НАТО. На практике, однако, акцентируется весьма прагматическая задача отмены эмбарго ЕС на поставку в Китай вооружений. Он продолжит постепенное наращивание влияния на шестисторонний переговорный процесс по Северной Корее и в рамках ШОС. Однако по всем этим направлениям действия Пекина будут весьма противоречиво сочетать в себе напористость новичка в многосторонних политических процессах с осторожностью игрока, которого пока еще не принимают в качестве "своего" в кругу стран рыночной демократий. В Северо-Восточной Азии его главными партнерами и одновременно оппонентами из числа этих стран являются США и Япония.

Китай поставил отношения с США в центр своей внешней политики. Пекин дал понять Вашингтону, что признает его мировое лидерство и готов к сотрудничеству на основе совпадения интересов. Взамен он настаивает, чтобы традиционный набор американской критики—права человека, демократия, свобода слова и вероисповедания, проблема Тибета и Тайваня, курс китайской национальной валюты и т.п.—был отодвинут на второй план китайско-американских отношениях. В 2006 г. Китай продолжит демонстрировать Соединенным Штатам свою готовность к сотрудничеству—через взаимодействие в борьбе с терроризмом и атипичными угрозами, выстраивание стратегического диалога высокого уровня по проблемам глобальной и региональной безопасности, частичную ревальвацию юаня, сотрудничество по Северной Корее, "подвижки" (в сторону американского подхода) в китайской позиции по Ирану.

При этом в Пекине полагают, что нынешняя американская администрация из двух принципиальных подходов к Китаю—нацеленных соответственно на "сдерживание" и на "сотрудничество"—склоняется ко второму. В пользу этого свидетельствует активность американской дипломатии на китайском направлении в 2005 г., когда Китай

посетили почти все представители высшего руководства США, произошло расширение контактов по военной линии, а американская критика Пекина по политическим свободам и курсу китайской валюты не превышала уровня 2004 года.

Вместе с тем тот факт, что Китай будет оставаться "чужим" по отношению к США, способен привести в 2006 г. к политизации некоторых проблем (в числе которых могут оказаться огромный торговый дефицит США в торговле с Китаем, выход китайского капитала на покупку американских активов в чувствительных отраслях экономики, очередная длительная по времени пробуксовка в шестисторонних переговорах по Северной Корее). Однако вероятные при таком варианте всплески напряженности в двусторонних отношениях будут так или иначе компенсироваться заинтересованностью Вашингтона использовать стремление Китая к "глобализации" своих отношений с США в собственных стратегических экономических и политических интересах.

Отношения Китая с Японией могут складываться более конфликтно, чем прежде, однако и здесь стороны будут стараться не выйти за некоторые рамки с целью минимизировать эвентуальные экономические потери. При этом важно, что существует временной параллелизм политического возвышения Китая и Японии на основе их глобальной экономической роли, признанной мировым сообществом. И все же в 2006 г. продолжится изменение конфигурации отношений соперничества/сотрудничества между двумя странами. С одной стороны, огромная экономическая взаимозависимость заставляет их искать варианты взаимовыгодного со-развития. С другой—обострится их соперничество за выход к новым источникам энергоресурсов, за лидерство на пространстве АСЕАН, за более влиятельное место на международной арене. Китай будет продолжать противодействовать приему Японии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН.

В широком региональном контексте новой проблемой станет формат реализации идеи Восточно-Азиатского сообщества. Пекин будет противиться тому, чтобы в его состав, наряду с АСЕАН, Китаем, Японией и Южной Кореей, были включены также Индия, Австралия и Новой Зеландия—на чем настаивает Токио в стремлении ослабить влияние Китая в этом новом образовании.

Усиление конкуренции между Китаем и Японией в борьбе за региональное лидерство будет тормозить интеграционные региональные процессы—а с другой стороны, подталкивать и Токио, и Пекин к усилению сотрудничества с США все в тех же целях укрепления собственных позиций в соревновании с оппонентом.

6.5. Интересы России

В целом политическая ситуация благоприятствует активизации России в Северо-Восточной Азии. Ее более весомому присутствию здесь будут способствовать:

- исключительно интересные для стран региона возможности России в области энергоресурсов;
- поддержка, оказываемая государством активному продвижению российских компаний;
- объективная потребность в том, чтобы задействовать российский фактор в интересах поддержания стабильности, и имеющиеся у России ресурсы дипломатического маневрирования.

Происходящее и ожидаемое изменение роли Китая как находящегося на подъеме глобального и регионального игрока влечет за собой изменение конфигурации отношений не только в Северо-Восточной Азии, но и за ее пределами, в том числе в рамках треугольника Россия—Китай—США. Перед Москвой объективно возникает необходимость адаптироваться к новой ситуации. В этом плане важным политическим сигналом стало заметное сближение России с Китаем, в том числе и в вопросах, связанных с обеспечением безопасности. Продолжение этого курса в 2006 г. представляется более чем вероятным. Одновременно России важно минимизировать возникающие здесь потенциальные риски — не допустить, чтобы данная линия осуществлялась в ущерб российским отношениям с Западом, воспринималась как переориентация геополитических ориентиров страны, ослабляла ее позиции в случае непредсказуемого изменения обстоятельств.

Другим важным измерением международно-политического развития в регионе, с которым напрямую сопрягается российские интересы, является деятельность Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Внимание к этой структуре, несомненно, растет—в том числе и по причине ее потенциала касательно воздействия на глобальную расстановку сил. Хотя здесь могут возникнуть и завышенные ожидания относительно ее возможностей. ШОС, по большому счету, еще только предстоит доказать свое влияние на международное развитие и свое реальное, а не виртуальное существование в глобальном политическом пространстве.

7. ПРОСТРАНСТВО СНГ: ЗОНА ПОВЫШЕННОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Ключевым элементом развития ситуации в странах СНГ является борьба за власть или ее сохранение и возникающие в этом контексте проблемы смены элит, поддержания внутренней стабильности и безопасности правящих режимов. Конкурирующие элиты стремятся вовлечь в решение этих проблем Россию и Запад, сознательно противопоставляя их друг другу в своих интересах. Поэтому в 2006 г. главный вызов, возникающий перед Россией в СНГ, будет состоять в том, чтобы избежать ложного виртуального выбора между союзниками и партнерами в СНГ, с одной стороны, и Западом—с другой.

7.1. Россия и СНГ

Россия не против изменений, но "против хаоса" – такую формулу использовал В.Путин, характеризуя отношение России к развивающимся в СНГ процессом. Ключевым здесь является понимание истоков и характера "хаоса" (или, в другой интерпретации, "революций") — в них можно видеть как проявление общественно-политической и социально-экономической трансформации, вызванной к жизни потребностями самих постсоветских государств, так и результат злонамеренного воздействия внешних сил.

2006 г. не обещает быть самым спокойным в политической истории СНГ. Парламентские выборы в Украине, президентские выборы в Белоруссии, политическая нестабильность в Киргизии, напряженность в Узбекистане и, отчасти, в Азербайджане—все это делает СНГ зоной "повышенной турбулентности". По-прежнему дестабилизирующее воздействие будут оказывать неурегулированные конфликты и проблемы непризнанных территориальных образований, прежде всего Абхазии и Приднестровья, тем паче, что эти вопросы все более активно используются

Грузией и Украиной в качестве рычагов внешнеполитического давления на Россию. Как, впрочем, и наоборот.

Кризис самого института СНГ углубляется — что, в частности, было публично признано В.Путиным в начале 2005 г. Однако отказаться от СНГ, выйти из него не могут себе позволить даже те страны, в которых сделана ставка на вступление в НАТО и ЕС. Доказательство тому — перенос Грузией на более далекую перспективу ее предстоящего выхода из СНГ, о котором было громко заявлено в ноябре 2005 г. "Радикализм" в этом вопросе противоречит общественным настроениям, а также интересам сотен тысяч, если не миллионов простых граждан, зарабатывающих на жизнь своим семьям в России.

Слабость и несовершенство институтов СНГ, стремление выйти из зоны российского влияния и политические амбиции руководителей ряда постсоветских государств подталкивают их к организации новых форматов, отличных от СНГ и без участия России, таких, например, как возникшее в 2005 г. Сообщество демократического выбора (которое, впрочем, существует пока скорее символически, чем реально). Тем временем другие действующие лица в ареале СНГ—крайне слабые (Киргизия, Таджикистан) или откровенно авторитарные (Узбекистан, Белоруссия), но в любом случае уязвимые и обеспокоенные своим будущим режимы—все более активно ищут поддержки России. В свою очередь, на ее отношения со странами СНГ и с Западом по поводу постсоветского пространства, на отношения новых независимых государств с западными странами, на собственную динамику в СНГ и входящих в него государствах-участниках все больше влияют геополитика, безопасность, торгово-экономические факторы, подвижки в регионах Большого Ближнего Востока, Северо-Восточной Азии, в Евросоюзе.

В 2005 г. еще более четко оформились несколько линий, по которым развиваются взаимоотношения в СНГ. Главные из них—энергетическая, экономическая, гуманитарная, а также затрагивающая проблематику безопасности (внутренней и внешней). Взаимодействие по этим направлениям между разными странами СНГ выстраивается по-разному. Из этого же вытекают или усугубляются различия между тремя территориальными ареалами СНГ—европейским, центральноазиатским и кавказским.

Неоднородность и нестабильность постсоветского пространства затрудняет задачу выработки последовательной долгосрочной стратегии Москвы в отношении СНГ. Россия, по-видимому, склоняется к тому, чтобы практиковать гибкие и диверсифицированные подходы—включающие поддержку, где это возможно, многосторонних форматов, углубление двусторонних отношений, проявление жесткости и прагматизма либо, наоборот, использование преференциальной тактики, и т.п.

Шоковым по произведенному эффекту, но вполне ожидаемым и по существу логичным стало решение России ориентироваться на мировые стандарты цен при поставках энергоносителей в страны СНГ. Селективное применение этого подхода, неизбежное на первых порах даже по чисто "техническим" основаниям, дало повод для истерических обвинений Москвы в использовании "газового" (вариант: "нефтяного") оружия в политических целях. Но одновременно стала предельно ясной ограниченность альтернативных возможностей у потребителей российского энергетического сырья и объективная необходимость строить лояльные, конструктивные отношения с Россией.

В 2006 г. будет происходить неизбежно болезненное осознание этой ситуации — по всей видимости, параллельно с поиском иных опций. Такой поиск имеет не слишком

большие шансы на успех; во всяком случае, рычагов встречного давления на Россию у ее партнеров неизмеримо меньше. Модель обретения энергетической самостоятельности (как в случае с Азербайджаном и Казахстаном) требует соответствующих запасов природных ресурсов, а также реализации масштабных проектов по созданию автономных коммуникаций (типа трубопровода Баку—Тбилиси—Джейхан). Попытки шантажировать Россию угрозой внешнеполитической переориентации (вступить в ЕС, разместить военные базы НАТО и т.п.) будут продуктивны лишь в том случае, если в ментальности Москвы произойдет возврат к старым стереотипам (поиск внешних врагов, культивирование антизападных мотивов, синдром враждебного окружения и т.п.).

Однако и перед Россией стоит непростая задача — удержаться от соблазна "простых" и "привлекательных" решений, выстраивающих всю внешнюю политику на нефти и газе. Ей предстоит освоить искусство тонкого маневрирования в условиях обладания такими "аргументами", весомость которых трудно оспорить — но которые не всегда будут в ее распоряжении и злоупотребление которыми может оказаться контрпродуктивным с точки зрения долговременных российских интересов, вызывая эффект внешнеполитического отторжения. Как это, в частности, происходит сегодня с Соединенными Штатами.

В 2006 г., благодаря введению Россией упрощенных правил регистрации, может несколько улучшиться ситуация мигрантов из стран СНГ. Тем не менее, серьезными препятствиями на этом направлении по-прежнему остаются бюрократические процедуры и коррупция. Остаются неурегулированные вопросы границ. В случае дальнейшего сближения с ЕС и облегчения визового режима для граждан России, а значит, и выполнения ею обязательств по реадмиссии и упорядочению ситуации на границах, проблема миграции из стран СНГ в Россию будет обостряться.

Страны СНГ, даже поддерживающие самые тесные политические отношения с Россией (как Армения), стремятся к диверсификации внешних связей—в том числе и по вопросам военной безопасности. Не только Азербайджан, но и Казахстан не поддержали предложений России по демилитаризации Каспия, сочти предпочтительным установление американского военного присутствия. Россия не была приглашена на учения по охране нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан Eternity 2005. Еще сильнее становится нажим Грузии и Украины на Запад с целью их принятия в НАТО. Впрочем, болезненная реакция России на этот вектор в политики других стран СНГ выглядит не вполне уместной в свете активизации ее собственных взаимоотношений с НАТО—в 2005 г. в рамках Совета Россия—НАТО было проведено более 50 мероприятий.

7.2. Центральная Азия

Смена политического руководства в Киргизии (сопровождаясь масштабными волнениями и беспорядками), а также майские события в Андижане (объявленные узбекскими властями следствием антиправительственного мятежа и сопровождавшиеся большим количеством жертв и нелегально покинувших страну беженцев) резко дестабилизировали ситуацию в Центральной Азии. В Киргизии главная задача пришедших к власти сил—сохранить единство страны, убедительно продемонстрировать готовность бороться с нищетой и коррупцией, развеять подозрения в связях с криминалитетом, заняться решением проблем узбекского национального меньшинства и исламского фундаментализма на юге республики. В Узбекистане одна из основных угроз режиму—переход (в отсутствие политического плюрализма) на сторону

радикальных исламистов даже неэкстремистской оппозиции. Впрочем, последнее правомерно и применительно ко всему центральноазиатскому региону.

В создавшейся ситуации власти обоих государств летом 2005 г. предпочли искать выход и укреплять собственные позиции на путях сближения с Россией, одновременно дистанцируясь от США. Вскоре после прихода к власти новый президент Киргизии К.Бакиев поставил вопрос об американском военном присутствии в аэропорту "Манас". Позднее, после появления требований независимого международного расследования событий в Андижане, о необходимости закрыть в течение полугода американскую авиабазу "Харши-Ханабад" на территории Узбекистана заявил президент И.Каримов.

В случае с Узбекистаном обращает на себя внимание кардинальная и быстрая внешнеполитическая переориентация. Политическое руководство страны, до этого явно стремившееся найти "выход" на Запад и минимизировать свое взаимодействие с Москвой, фактически полностью развернулось в ее сторону — вплоть до подписания с Россией в ноябре 2005 г. Договора о союзнических отношениях (который, в частности, зафиксировал возможность сторон предоставлять друг другу право на использование военных объектов на своей территории). Ответом на объявленное Европейским Союзом эмбарго на поставки в Узбекистан оружия и военного снаряжения стали российско-узбекские антитеррористические маневры, а также продемонстрированное Ташкентом "проявление интереса" к ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности, активизацию которой энергично продвигает Россия).

Причина резкой смены курса очевидна — она была обусловлена пониманием того факта, что Соединенные Штаты, долгое время закрывавшие глаза на характер политического режима в Узбекистане, после событий в Андижане не смогут позволить себе продолжать ту же линию и будут оказывать нажим на Ташкент. Между тем для И.Каримова демократизация означает конец его власти. Отсюда—ставка на Россию, основанная на предположении о ее безусловной заинтересованности в снижении американского военного присутствия в Центральной Азии (и в более широком плане— в купировании там западного влияния).

Этот феномен отнюдь не является выражением специфики лишь одного Узбекистана. Государства, оказавшиеся объектами "большой политики", одновременно пытаются выступать в качестве субъектов политического поведения на международной арене, используя сложности российско-американских отношений в интересах сохранения и безопасности собственных правящих режимов. Явный расчет делается на то, что Россия хочет укрепить свои позиции в Центральной Азии и усилить там свое военное присутствие. Поэтому, как ожидается, она будет поддерживать нынешние режимы и одновременно сумеет обеспечить стабильность в регионе. Ключевой вопрос для России—не окажется ли цена за обретенное таким путем присутствие в регионе неприемлемо высокой.

- Речь идет, во-первых, о возможности втягивания во внутренние конфликты, которые, скорее всего, будут носить весьма драматический характер. Слабость местных режимов и внутренняя нестабильность в странах региона не дают оснований предполагать, что "цветные революции" там будут развиваться в мирном русле, как в тех постсоветских странах, которые географически и политически ближе к Европе.
- Во-вторых, в регионе велика вероятность конфликтов, которые в содержательном плане будут сводиться к межклановому соперничеству. При этом само собой разумеется, что конкурирующие группировки будут с упоением

обвинять друг друга во всех смертных грехах—от причастности к террористической деятельности, наркобизнесу и криминальному сообществу до ориентации на внешние силы (радикально-исламистские, псевдодемократические и т.п.). Целесообразность вовлечения в такие конфликты более чем сомнительна.

- В-третьих, очевидны минусы позиционирования России в качестве союзника одиозных авторитарных режимов. После заключения Договора о союзнических отношениях с Узбекистаном было высказано предположение, что Москва руководствуется в своих действиях формулой "Авторитарии всех стран, соединяйтесь". В каждом конкретном случае Россия может легко проигнорировать такого рода упреки. И все же желательно свести репутационные издержки к минимуму. Они формируют неблагоприятный образ России и, накапливаясь, могут дать совершенно нежелательный для нее внешнеполитический эффект.
- Наконец, в четвертых, далеко не очевидно, что Россия сможет самостоятельно обеспечить региональную безопасность, играя роль "регионального полицейского"—прежде всего по причине ограниченности материальных, организационных и военно-технических ресурсов, которые она может направить на решение этой задачи.

Из этого отнюдь не следует, что России необходимо "самоустраниться"—это не соответствует не только ее интересам, но и интересам региональной стабильности. Акцент должен быть сделан на ином—на осторожной, не вызывающей обвинений во вмешательстве поддержке институтов и процессов, имеющих ключевое значение для социально-политической стабильности, и одновременно на взаимодействии с другими участниками международной жизни для поддержания мира и спокойствия в регионе.

У России достаточно широк выбор партнеров для такого международного взаимодействия—от Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Китая до НАТО и США. Сценарий активизации ШОС имеет тот плюс, что центральноазиатские страны являются участниками этой структуры, а сама она в активизации своей деятельности на одно из центральных мест ставит борьбу с терроризмом—что образует приемлемое для всех участников поле совместных действий. Вместе с тем в этом сценарии присутствует перспектива постепенного, но неуклонного усиления Китая в Центральной Азии. В варианте российско-американского сотрудничества удаленность эвентуального партнера от расположенного вблизи российских границ региона может показаться политически предпочтительной—но чреватой негативными последствиями по критериям эффективности. Выбор в конечном счете будет зависеть от состояния российско-американских и российско-китайских отношений, а также от развития ситуации в самом центральноазиатском регионе.

Однако на ближайшую перспективу (2006 г), учитывая давление со стороны Узбекистана, нестабильность в Киргизии, а также сфокусированность США на Ираке, тренды к усилению присутствия и обязательств России в Центральной Азии, по всей видимости, сохранятся. Это находит отражение и в военной помощи, оказываемой Россией странам региона, и в институциональной плоскости—в частности, в принятом в конце 2005 г. решении о слиянии Центральноазиатского союза (ЦАС) и ЕврАзЭС.

7.3. Кавказский регион

Постепенное отдаление региона от России продолжается. В Москве склонны считать инициатором и лидером этого процесса Грузию, форсирующую вытеснение России и однозначно взявшую курс на членство в НАТО. Был ли у России шанс воспользоваться сменой грузинского политического руководства для того, чтобы направить отношения двух стран в конструктивное русло—сегодня вопрос чисто теоретический. Негативный потенциал в этих отношениях явно доминирует—как унаследованный от недавнего прошлого, так и накопленный при нынешним руководством.

Президент М. Саакашвили стремится компенсировать плохое состояние экономики и дезориентирующий эффект внутривнутриполитической борьбы ставкой на демократизацию страны, что по определению поддерживается Соединенными Штатами и ЕС. Демократическую риторику используют и в международном контексте, инициировав т.н. "ось Тбилиси-Киев", а также Сообщество демократического выбора в регионе Черного, Каспийского и Балтийского морей. Официальные лица в Грузии представляют эту структуру как альтернативу СНГ, где системообразующим стержнем является Россия.

Недовольство населения, его крайне тяжелое социально-экономическое положение, активная политическая оппозиция не исключают дестабилизации ситуации в стране. Нестабильность может стать и следствием обострения положения вокруг сепаратистских регионов Грузии — Абхазии и Южной Осетии. Вместе с тем нельзя исключать и обратную взаимосвязь — когда кризис становится средством канализировать общественное недовольство и добиться сплочения вокруг руководства страны, а также поводом для обращения к другим странам и международным инстанциям за поддержкой.

Демонстративная поддержка, оказываемая Россией Абхазии, не дают оснований ожидать решения этой проблемы политическим путем в интересах Тбилиси — подталкивая его к тому, чтобы время от времени выступать с достаточно решительными заявлениями. Не слишком обнадеживающие сигналы идут и из Южной Осетии — хотя здесь, после очередного раунда конфронтации с использованием военных средств, возникло некоторое движение (или его видимость) в русле политических переговоров. В обоих случаях сторонники отделения от метрополии с нетерпением ожидают решения проблемы Косово — если фактическая независимость этого края будет формально санкционирована международным сообществом, возникнет долгожданный прецедент, к которому смогут апеллировать сепаратисты.

Парламентские выборы в *Азербайджане*, сопровождавшиеся активными выступлениями оппозиции, не привели к серьезному кризису — в частности и потому, что за ситуацией пристально следили Соединенные Штаты и европейские институты. Экономическое положение страны несколько улучшилось, и в ближайшей перспективе причин для ее резкой дестабилизации не просматривается.

Важной подпиткой стабильности служит и опека со стороны США: их помощь Азербайджану в 2005 г. составила более 70 млн. долл., причем треть суммы была израсходована на поддержку демократии. Экспериментирование с демократизацией режима и созданием гражданского общества может оказаться в Азербайджане более успешным, чем в других странах. Правда, методы, которыми накануне выборов воспользовался президент И.Алиев для ослабления оппозиции (смещение с постов ряда ведущих политиков), не очень хорошо вписываются в эту модель и по крайней мере свидетельствуют о напряженной борьбе за власть.

Стремясь обрести доверие со стороны США, азербайджанское руководство не намерено отказываться и от взаимодействия с Россией. Между Москвой и Баку поддерживаются уважительные партнерские отношения.

В *Армении* принятие осенью 2005 г. поправок к Конституции интерпретировалось многими как попытка президента Р.Кочаряна обеспечить себе возможность баллотироваться на следующих выборах главы государства. Согласно другой интерпретации, поправки принимались с целью приблизить законодательство страны к европейскому.

Армения, безусловно, ценит союзные отношения с Россией. Однако попытки обрести более широкие внешнеполитические возможности, не сводимые к тесным рамкам союза с Россией, вполне вероятны — особенно по мере и в случае стабилизации обстановки в регионе, усиления там западного присутствия и "глубокого замораживания" конфликта в Нагорном Карабахе под международным контролем.

7.4. Украина

Спустя год после президентских выборов, резко изменивших политический и социально-экономический ландшафт в Украине, ситуация в стране не стала более стабильной и прогнозируемой. При этом главные достижения "оранжевой революции" — пробуждение гражданского общества и высокая общественная активность — по-видимому, не утратили своего значения; потребность в организации социума на демократических началах стала более осознанной, политический процесс — более прозрачным, обратные связи между властью и народом — более действенными. Однако издержки пост-революционного развития проявились поразительно быстро после короткого периода эйфории и оказались не просто значительными — но близкими к катастрофическим.

Революция, как считают даже сторонники В. Ющенко на Западе, не оправдала связанных с нею надежд, не расчистила дорогу для малого и среднего бизнеса, не ликвидировала условия для олигархата. Негативное воздействие на положение дел оказала противоречивая и непоследовательная экономическая политика новой власти.

- Попытка совместить социально-популистские шаги, дирижистские методы регулирования, ревизию сложившихся в годы прежнего режима финансово-промышленных связей и усилия по привлечению инвестиций имела результатом резкое снижение темпов экономического роста, рост инфляции, увеличение бюджетного дефицита.
- Позитив от частичного вывода экономики из "тени" был нейтрализован опасениями бизнеса, особенно крупного, относительно деприватизации и пересмотра прав собственности в интересах компаний, поддерживающих новую власть и пользующихся ее доверием. Ситуацию лишь отчасти улучшила продажа осенью "Криворожстали", пополнившая казну более чем на 5 млрд. долл.
- Проведенные новой властью реформы (в частности, административная) не дали ожидаемых результатов: во власть пришло большое число непрофессионалов, уровень коррупции как минимум не снизился.

Новой власти на протяжении длительного времени не удавалось консолидировать свои основные структурные звенья в лице президента (и его администрации), премьер-

министра и парламента. После серии осенних отставок правительство действует в тесной координации с президентом — но параллельно с этим резко усилилась оппозиция, персонифицированная в лице как "нового" экс-премьера Ю.Тимошенко, так и "старого" — В.Януковича, бывшего соперника В.Ющенко по президентским выборам.

2006 г. будет годом практической реализации политической реформы, направленность которой вписывается в общую для стран Центральной и Восточной Европы тенденцию к усилению роли парламента и переходу к парламентско-президентской форме правления. Но это, естественно, приведет к перераспределению политического веса на высшем властном уровне — от президента к главе правительства. Поскольку назначение премьера зависит от поддержки Верховной Рады, ее состав становится критически важным. По этой причине подготовка к предстоящим в конце марта 2006 г. парламентским выборам сопровождается отчаянной борьбой, причем новое руководство страны нередко ведет ее методами, характерными для прежнего политического режима.

Основная энергия участников предвыборного марафона направлена на формирование партийных блоков и коалиций, которые смогут обеспечить им сохранение власти или претендовать на ее получение. В случае невозможности консолидации вновь избранного парламента не исключается сценарий его роспуска вскоре после выборов. Политическая неопределенность — серьезный фактор, который будет препятствовать улучшению социально-экономической ситуации в стране и проведению последовательных экономических реформ.

Одним их следствий перманентного кризиса и борьбы за власть в верхах стало усиление левых сил, левой идеологии. В свою очередь руководство страны, потерявшее значительную часть поддержки общества, пытается укрепить свои позиции за счет сближения с Западом. Особые усилия направлены на прием Украины в НАТО. Этот вопрос планируется вынести на референдум, поскольку отношение к данному проекту является неоднозначным.

В целом Запад (ЕС и США) продолжает оказывать активную и благожелательную поддержку новой украинской власти. Если в середине 2005 г. в ее адрес высказывалось больше вопросов и критики, то после отставки Ю.Тимошенко и по мере приближения выборов как НАТО, так и особенно ЕС сделали ряд шагов навстречу В.Ющенко. ЕС предоставил Украине статус страны с рыночной экономикой, начал активно лоббировать скорейшее вступление Украины в ВТО. А Х.Солана даже высказался на предмет "ключевой приоритетности" вопроса вступления Украины в ЕС.

В реальности практическое обсуждение этой—вопрос скорее отдаленной, чем обозримой перспективы (прежде всего по причине очевидной неготовности ЕС к скорой интеграции Украины). В связи с этим роль "фактора Запада" в предстоящих выборах будет, скорее всего, маргинальной. Однако в принципиальном плане, несмотря на колебания политической конъюнктуры, Украина свой "европейский выбор" сделала.

Проистекающие из этого раздражители перемещаются из плоскости взаимоотношений России с НАТО и ЕС в сферу собственно российско-украинских отношений

7.5. Белоруссия

Результаты предстоящих в 2006 г. президентских выборов в Белоруссии фактически предопределены. Перспективы переизбрания А.Лукашенко, несмотря на неприятие его

политического режима, не подвергаются сомнению даже на Западе. Отчеты Мирового банка свидетельствуют о стабильности белорусской экономики. Слабость оппозиции обусловлена не только жестким давлением на нее власти, но и отсутствием у нее широкой поддержки населения, прежде всего сельского, социально зависимого (пенсионеров) и работников силовых структур. В конце 2005 г. А.Лукашенко получил от В.Путина главные гарантии сохранения стабильности, а значит, и своей власти— низкие цены на российский газ.

Отсутствие прогресса в строительстве союзного государства России и Белоруссии в 2005 г. и очевидное согласие Москвы на переизбрание А.Лукашенко служат достаточно весомым индикатором того, что белорусский фактор, скорее всего, не будет использоваться в российских выборах.